

Александр Никитенко

**ЧЁРНЫЙ
ЯЩИК**

Александр Никитенко

ЧЁРНЫЙ ЯЩИК

Стихотворения и Книга молчания

Бишкек ♦ 2011

УДК 821.161.1
ББК 84 Р7-5
Н 62

Н 62 **Никитенко Александр Иванович**
Чёрный ящик. Стихотворения. – Б.: Салам, 2011. - 228 с.

ISBN 978-9967-26-525-7

Мои книги на сайтах:
palindromon.narod.ru
literatura.kg

Н 4702010202-11

УДК 821.161.1
ББК 84 Р7-5

ISBN 978-9967-26-525-7

© Александр Никитенко, 2011

1. ПРИВКУС НЕБА НА БРЕННЫХ ГУБАХ

Пролетаем в вечность из вечности.
Мир для каждого свеж и нов.
Мы противники опрометчивости.
Мы сторонники прочных основ.

Чтоб доискивался до истины
и её упустить не мог,
поэтическими самописцами
оснастил меня, видно, Бог.

В сердце космос косматый кроется
и в полёте из года в год
сердцем бережно зашифровывается.
Расшифрует, кто знает код.

Что посеете, то обрящете.
Я летел на свою звезду.
Мои строчки – чёрные ящики.
Когда рухну – в них к вам приду.

И в накале духовной сшибки
неизведанное любя,
вы учтёте мои ошибки.
Вы прочтёте самих себя.

16 июля 2011 г.

МУЗЫКА

Шла безмузыкальная эпоха,
душу леденила, тяжела.
Музыка, как зябнущая кроха,
отогрелась в сердце, ожила.

Ветер выл и глухо дождь долдонил.
Разомлев от света и огня,
музыка, как птица из ладони,
вырвалась на волю из меня.

Ветер выл, шумела мгла ночная.
Понял я: по-птичьему вольна,
музыка не может быть ручная,
потому и музыка она.

Как её ни угревай, ни мучай
пленом человеческого тепла –
улетела, парочку созвучий
обронив, как птица из крыла.

Без неё мне мир и пуст, и узок!
А она, растаяв за окном,
стаю гордых непокорных музык
настигала в космосе ночном...

22 февраля 1989 г.

АВТОПОРТРЕТ

В быту я прост.
В общеньи сдержан.
Во мне сидит упрямый стержень.
Я одинок – весь мир мой дом.
И одиноко с ней вдвоём.

Но если жизненная вьюга
на огонёк забросит друга –
я парень-хват и хлебосол!
Наутро мрачно пью рассол.

Я натошак курю и бреюсь –
Бог весть какая в этом прелесть,
но всё ж куренье и бритвьё
мне скрашивают бытиё.

В плену у пагубной привычки,
я по карманам шарю спички,
забыв, что их держу в руке –
дела не ладятся в строке!

И в каждом творческом загоне
я страшен, точно вор в законе –
вдруг бесит даже комплимент!
Вполне отпетый элемент.

Когда б сквозь ярость голос Бога
не объявлялся вдруг во мне,
второе ухо у Ван Гога
я отхватить бы мог вполне.

На фотокарточках я скован.
При дураках – я образован.
При академиках – профан.
При пьяных – трезв.
При трезвых – пьян.

Врагам – за дрянь,
жене – за мужа
себя я выдал с головой.

И только ветренная муза
портрет
имеет
верный
мой.

1988 г.

НАСЛЕДСТВО

На этажерке две-три книжки.
Визжит в свинарнике свинья.
Кричат на улице мальчишки.
Так начиналась жизнь моя.

Летали совы над садами.
Отец пришёл с большой войны.
Я помню мать с её трудами,
с зажимком первой седины.

А с фотографий, не мигая,
смотрела прямо на меня
её семья – совсем другая –
войной убитая родня.

Я рос, весной скакал по лужам.
По вечерам листал альбом,
где мать с детьми и первым мужем
сидели дружно вчетвером.

И сквозь раздольный праздник детства
меня догадкой смутной жгло,
какое трудное наследство
ко мне от мамы перешло.

15 февраля 1987 г.

М.Давыдову

Аллергия к грохоту и треску.
Городов я не переносу.
Пошуршу листвой по перелеску,
воздухом горячим подышу.

Горько пахнет листьями сухими.
И, огонь свой стрессовый туша,
в самоотречении и схиме
пребывает стихшая душа.

Не зияет чёрная дыра в ней.
Не томясь тщетой и суетой,
стала вновь она простой и равной
с этой далью,
с этой высотой.

Недотрога, вечная химичка!
И её, остывшую в лесах,
в города уносит электричка –
с тишью,
отстоявшейся в глазах.

1988 г.

Воробьи от солнца спятили,
от ромашковой пурги.
Далеко мои приятели,
далеко мои враги.

Веют запахи медовые
от неполотых хлебов.
Зреют замыслы бредовые
про бедовую любовь.

И от кустика до кустика
тянут пчёлы свой клавиш.
И такая здесь акустика –
скажешь слово – слышит мир.

Из жужжания и гомона
вдохновение леплю.
А любовь? Да вот кругом она –
всё без памяти люблю.

Откровением от устьяца
родника среди корней
все грехи мои отпустятся,
все стихи пойдут сильней.

Жизнь моя, не будь промашкою,
солнцу радуйся, звеня.
Родниковый и ромашковый
свет на сердце у меня.

15 февраля 1987 г.

ВЕЧНАЯ ТЕМА

И всё-таки, поэзия, я твой,
ещё я не ушёл с передовой.
Всю боль,
всю соль земли
с тобой я знаю.
Когда горит холодная заря
и дышит осень, листьями соря,
я ни на что тебя не променяю.

Ты есть во мне!
Когда ты есть во мне,
то не страшны сомненья в глубине
да и не важен самый выбор темы.
Я вижу, как в укор земному злу
старуха предлагает на углу
подбитые морозцем хризантемы.

Старуха дарит взгляд из-под платка.
Я молча выбираю
три цветка
в жестяной банке
братской фирмы «Глобус».
Ненастным утром в сонной тишине
я хризантемы отдаю жене,
чтоб весь свой век
она жила, не злобясь.

Поэзия – синонимом добра
хотя бы для двоих побудь с утра!
Два человека –
это две вселенных.

А вот и тема:
в мир добра и зла
любовь моя доверчиво вошла
младенцем
на крылах твоих нетленных.

Всё в этом мире – только для двоих.
Любовь моя,
вот омут глаз твоих.
Любви, добра
хотим и ищем все мы.
И потому послушаем, мой друг,
как остро веют горечью разлук
и вечностью
три
белых
хризантемы.

27 июля 1983 г.

НОВЬ БУШУЕТ

Дни летят, как бешеная конница,
забывать про старое веля.
Пушкина пытались даже, помнится,
футуристы сбросить с корабля.

Пусть у вас теперь иные ценности.
Но под солнцем грянувшего дня
с корабля в стихии современности
вы хотите сбросить и меня.

Я б не прочь послать вас всех по матери,
да меня осудят, видит Бог,
вслед за мной идущие в кильватере
стихотворцы будущих эпох.

Ночь бушует! Не хочу стареть и я.
Выбрав путеводную звезду,
я рванул вперёд на три столетия.
Подгребайте в будущее. Жду.

4 февраля 2009 г.

Всю ночь шёл дождь.
Я выглянул в окошко.
Сирень, отяжелев,
 клонилась
 набок.

А проволока – как тысяченожка!
В серебряных дождинках вместо лапок.

Но рассветало.
Горлинка порхнула.
Луна ушла.
Осталось звёзд штук десять.
Соседка вышла в сад
 бельё развесить.
Смахнула сказку,
 даже не вздохнула.

1968 г.

ЛЕБЕДИНОВКА

Село
с названьем лебединым,
где и не сыщешь лебедей,
живёт во мне неизгладимым
воспоминаньем юных дней.

По вечерам
в саду под вишней
царил таинственный сверчок.
И на ночь,
чтоб чего не вышло,
дверь запирали на крючок.

Вносили лампу-керосинку –
мигал,
метался фитилёк.
И на него в пылу инстинкта
в окно
врывался мотылёк.

В огонь
бросался он из мрака,
сгорал
и падал у огня.
И два рубиновые зрака
с мольбой
смотрели на меня.

Он затихал,
до света падох.
И трепетать уже не мог.
И у меня промеж лопаток
бежал
внезапный
холодок.

Тянуло мятой с огорода.
В углах таилась полумгла.
Прямая связь
с живой природой
была трагична
и светла.

Я полон был догадок смутных.
И свет,
и мрак
меня влекли.

А где-то в небе
первый спутник
уже витал
 вокруг
 Земли.

Наверное, роптали боги
на небесах.
А здесь,
внизу –
отец усталый
парил ноги
в эмалированном тазу.

Дремал на лавке кот-пройдоха.
А над Землёй
и над селом
стояла новая эпоха,
зиял космический разлом.

14 мая 1980,2005,2007 гг.

ОКНО

Что же, дело табак.
Но хороший табак – тоже дело.
По стене к потолку
дым ползёт изваяньем плюща.
А в раскрытом окне –
непроглядная темь без предела.
Кто на свет мой придёт?
Только нежить летит, трепеща.

И кружит вокруг лампы,
воскрылья свои обжигая.
На пол сыплется с треском,
бьётся в белый, как смерть, потолок.
Непонятная мне
жизнь ночная, другая
рвётся к свету –
её
я от гибели не уберёг.

Это ты мне, судьба,
вдруг шепнула сейчас по секрету,
что когда-то вот так же
достанет и мне самому
лишь единственный раз
прикоснуться к горячему свету
и упасть,
и пропасть,
и вернуться в родимую тьму.

1979 г.

ЩЕНОК

Ушёл отец,
И, как в дешёвой драме,
в тот день под вечер грянула гроза.
Хлестало молний гибельное пламя
и тополя клонились, как лоза.

В глаза мне словно щёлочи плеснули.
Обидой жгучей в горле встал комок.
И где-то в переулке, в пыльном гуле
вдруг заскулил испуганный щенок.

Визгливый, как раздёрганная скрипка,
его скулёж тоску мне в сердце нёс.
И губы мне коверкала улыбка
недобрая, солёная от слёз.

1964,2007 гг.

Овсяг, осот, пырей –
мои родные травы.
Вся улица была
заросшая травой.
Но у других времён
совсем другие нравы:
покрыл её асфальт
и стала мостовой.

Как долго я живу,
как будто не одну я
жизнь прожил на Земле,
а память всё жива:
бывало лишь свернёшь
на улицу ночную –
и холодом обдаст
росистая трава.

По россыпям росы
и по холодной пыли
сквозь улицу пройдёшь –
озябнешь перед сном!
На улице такой
однажды жили-были
мы на Земле былой
в селении одном.

На шёлковой траве,
едва скопив силёнки,
резвились мы, мальцы,
и не было затей

достоинее у нас,
и травяной зелёнки
бывало не отмыть
с коленок и локтей.

И сами, как трава,
естественно и просто
мы жили и росли.
Везде была трава:
на улице, в саду,
и у крестов погоста –
над прахами расти
имела все права.

Трава росла везде.
И это означало,
что мы облечены
всем ходом естества:
трава встречает нас
у самого начала,
но и в конце всего –
повальная трава.

Нет улицы моей!
Я долго жив на свете.
Когда-нибудь в свой срок –
чем дальше, тем скорей –
взойдут и надо мной
простые травы эти:
пырей, осот, овсюг,
осот, овсюг, пырей...

Взойдут и надо мной,
до неба доставая,
овсюг, пырей, осот,
мой долгий сон храня.

И лягут времена,
как эта мостовая
на травы давних лет –
на давнего меня.

24 декабря 1988 г.

ПЕТУХИ

Бессонница.
Пустые мысли, скучные.
Беззвучный дождь.
Беззвездны небеса.
К глазам часы приблизил я наручные –
хор петухов!
И ровно 3 часа.

Вершат свой ход планеты аккуратненько,
в ночи шаги у времени тихи.
Но в 3 часа
из тёмного курятника
кричат, как заводные,
петухи!!!

Рассвета не проспят они в беспечности –
сквозь дождь и тучи,
сквозь осенний мрак,
из космоса,
из чёрной бесконечности
они вскричать улавливают знак.

Ах, петухи!
Вселенной испытаемся!
Безмерно время млечных поясов.
И всюду тьма,
и жизнь хрупка как таинство.
Тем слаще мне от ваших голосов!

Спасибо вам за то, что по наитию
вы подключились в вечность за окном,
и мне –
вполне космическому жителю –
кричите вы о бремени земном.

1988 г.

Я из палатки выполз: тьма и холод.
И инеем покрытая трава.
Я глянул ввысь, где, звёздами исколот,
клубился чёрный космос естества.

Какая бездна звезд! И ночь, и холод.
Вселенная распахнута до дна!
И зарево вдали – там свет, там город,
а здесь мороз! Трава бела, бледна.

От космоса вовеки не отвлечь нас!
Глядел я вверх, к миру летел иным.
И звёздами заполненная вечность
текла мне в кровь дыханьем ледяным.

Текла мне в кровь – так иней лезет в щели
палатки посреди ночных степей.
И звёзды, как молекулы, кишели
в крови космогонической моей.

15 февраля 1988, 2005 гг.

ПРИЕЗД

Я рождён на селе
с камышовыми низкими кровами,
где почти в каждом доме
с той войны ещё все не пришли.
Я рождён на селе,
освящённом чертами суровыми
незабвенной и ласковой
послевоенной земли.

Мне вовек не сыскать
нашу пыльную длинную улицу,
только память её
невзначай воскресит для меня.
Отчий дом на бугре
постарел и уныло сутулится.
И в знакомом окне
наваждение чужого огня.

Кто здесь помнит меня?
Палых листьев лихая метелица,
да дедок-фронтовик,
да ещё тополя у пруда.
А дорога моя
от порога родимого стелется
и уводит вперёд,
и как совесть приводит сюда.

Вот и осень опять
сердцу ясную грусть даровала,
как с влюблённым подростком,
ничего не поделаешь с ним.
Листья жгут по садам,
как не раз в этом мире бывало.
И плывёт над селом
дорогого отечества дым.

29 августа 1979, 2011 гг.

БАРАКИ

Я жил в бараках. Жили вы в бараках?
Я – жил. Я вам свидетельствую: жил.
И славу несдающегося в драках
я в драках кулаками заслужил.

Жизнь скрежеща катилась, как на траках:
раздоры, ссоры пьяные в бараках,
от водки
 злой, отчаявшийся люд.
Я стервенел, и в драках был я лют.

Я не терпел униженности, хамства
от жизни, протекавшей, как в бреду.
Я чувствовал, что если ей поддамся,
она меня раздавит на ходу.

Под гром кастрюль и копоть керосина,
под вой детей и кухонную вонь
я жил в бараках грязных.
Жить красиво
мечтал, и даже в руки брал гармонь.

О будущем
 щемило сердце сладко.
И я тянул меха, глядел во тьму.
Но выводила русская двухрядка
мне песни про тюрьму и Колыму.

С сознанием погибшего таланта
я упивался болью горьких строк,
где были Магадан или Таганка,
или другой какой-нибудь острог.

Не уставал барачный мой оракул
судьбою мрачной душу мне мозжить.
И вся земля казалась мне бараком,
где жить нельзя,
но надо как-то жить.

26 февраля 1989 г.

Я БЫЛ КУМИРОМ УЛИЧНЫМ

Ивану Мезенцеву

Дворовая эстетика –
живи – лови момент!
Стилетика, кастетика
весомый аргумент.

Побаловавшись красненьким,
«про жисть» наверняка
со мной, десятиклассником,
калякали зэка.

Тут к ним не подкопаешься:
шёл разговор крутой
ну прямо с подкупающей
душевной широтой.

А дома – всё дидактика.
А в школе – всё муштра.

Бывалая их тактика
была, как мир, стара.

Хотелось сердцу острого!
Всё пресное вокруг.
И вот меня как взрослого
они признали вдруг.

Не знали мама с папою,
храня меня в быту,
какой я тихой сапою
на улице расту.

Я был кумиром уличным
и не был трепачом.
Не дешевил, не умничал
и знал я что почём.

Я знал: за слово подлое,
оброненное зря,
отместка выйдет полная
по праву финкаря.

И не болтал я лишнего.
И выходил на ринг,
для среднего и ближнего
имел прямой и свинг.

Соперника улещивал,
рубил его под дых –
для них, моих болельщиков,
ценителей моих.

Давно уже отпетую
была у них стезя.
И по всему по этому
я ведал: так нельзя.

Дворов вердикты строгие!
Ни разу я не влип.
Меня они не трогали.
Хотя они могли б!

Семья и школа бедная!
Всё было без вранья.

Звезда моя победная
и улица моя!

1988, 2011 гг.

Виктору Горошанскому

Чересчур хранимая, ранимая и нежная
была душа у меня. Парадокс,
но при этом тайком от мамы, конечно, я
пошёл на бокс.

Я надевал перчатки, ставал в пары.
Моя настырность здорово мне помогла
когда моя душа училась держать удары,
которые раньше держать она не могла.

Меня как-то сразу все и всюду зауважали!
По крайней мере,
бокс мне не пошёл во вред.
И сначала на ринге, а потом вообще в карьере
я добился всех своих непростых побед.

И когда я не раз потом был на краю обрыва,
я благодарил небеса за то,
что больше нет во мне мальчишечьей робости и наива
и я самодостаточен, как никто.

И когда я путь свой почти свершил
и не раз обжёгся,
и железную стойкость
явила моя душа,
я воспел эту жизнь. В ней, возможно, без бокса
я и не стоил бы ни гроша.

Жизнь моя мне теперь отнюдь не приснилась –
я осуществил её сам как победу в жёстком бою.
И теперь с благодарностью ей отдаюсь на милость.
Но кто вернёт мне былую нежную душу мою?

27 мая 2008 г.

У ДЕДА

Диме

На лежанку забрался с ногами,
лёг и глянул ещё за окно:
яркий месяц стоит над снегами,
и светло, будто гонят кино.

За садами и дальше, до края
голубая искристая мга.
Тень легла через двор – от сарая,
а за нею – сияют снега!

Телевизорами не задета
эта древняя дрёма села.
И уютная горница деда
от вселенского света светла.

Пахнет ветхим теплом штукатурка.
Вспрыгнув, мягко прокралась в ночи,
улеглась и мурлыкает Мурка
колыбельную мне на печи.

6 декабря 1986, 2005 гг.

ЛЁНЯ

В начальную школу мальчонкой
ходил я в селе по траве.
Там Лёня под ветхой шапчонкой
сидел без царя в голове.

На солнышке нежился жмурко.
Посадка немножко бочком.
Нельзя же в селе без придурка.
Вот Лёня и был дурачком.

Всегда он в улыбке, в привете,
мужик, а как мы, малыши.
И мы ему странности эти
прощали от детской души.

Теперь там ни школы, ни Лёни.
Там рынок кипит, как река.
И тьма хитроумных в районе.
Но нет одного – дурачка.

И холодом всех оковало
таким, что и страшно сказать.
А с Лёней теплее бывало,
поскольку ну что с него взять.

16 ноября 1999 г.

Скотину гонят к выгону.
Вороний слышен карк.
Поеду к Лёше цыгану
в Аламединский парк.

Пустует парк по осени.
Летит с дерев листва.
Молчком по папиросине
мы выкурим сперва.

К словам не обращаемся –
к чему они, слова?
Мы взглядами общаемся –
душа в глазах жива.

Глаза я вижу Лёшины,
и говорит их взор,
что мы людьми хорошими
остались до сих пор.

Что грусть пришла осенняя
в районный парк пустой.
Что нет сердцам спасения
от грусти золотой.

Что сроки неизвестные
нам жить, не умерев.
И, как сердца древесные,
листы летят с дерев.

1988 г.

Осень, и пьют на деревне,
вроде, и не с чего пить.
Этот обычай наш древний –
пить и свободу любить!

В гости заехал я к другу –
пьют и живут налегке.
Я приложился – по кругу –
к зелью в бездонном бачке.

С детства знакомые лица –
только седые виски.
Сколько бы зелью ни литься,
а не уйти от тоски.

Где они – сны о царевне?
Где он – предел бытию?
Осень, и пьют на деревне –
в Богом забытом краю.

Друг мой, хмелеющий кореш!..
Листья сжигает сосед –
дым над садами как горечь
дум отгоревших и лет.

1987 г.

ПАРУСА

Какие
в нашем крае
паруса –
поля
да большаки под слоем пыли.
Но в час, когда легла в полях роса,
я видел их:
они
 в просторах
 плыли.

Быть может, это были облака,
прозрачные и лёгкие, как перья.
И я смотрел на них издалека,
исполненный ребячьего доверья.

В полях смеркалось,
ноги жгла роса.
Вечерний холод принимал до дрожи.
А там, вдали,
летели
 паруса,
на давнюю мечту мою похожи.

Где Солнце село, высь была светла.
И на лазури,
словно кистью ломкой,
мечта моя
очерчена была
горящею, как золото, каёмкой.

И день угас.
За горы и леса
ушёл.
Иссякли голубые реки.

Я многое забыл с тех пор навеки.
Но не забуду:
плыли
паруса!

17 февраля 1983 г.

Тянула руку рыба низка.
Вдруг наверху раздался гром
и «кукурузник» низко-низко
пронёс колёса над селом.

Я шёл с рыбалки вдоль заплота,
богатый сладким пескарём.
Лицо летящего пилота
я разглядел за «фонарём».

Мошкá звенела над болотом,
бродили в тине кулики.
И долго вслед за самолётом
смотрел я вдаль из-под руки.

Я высю полон был с краями!
Был самолёт рождён на свет,
чтобы мальчишка с пескарями
мечтой о небе был задет.

7 апреля 1987, 2007 гг.

Боготворил я девочку одну.
Мы с ней гуляли, глядя на Луну.
Окраиной села бродили поздно.
Роса мерцала. Небо было звёздно.

Всё то же небо в звёздах над селом.
Они горят, накала не снижая.
А девочка осталась лишь в былом.
Она давным-давно жена чужая.

29 ноября 1998 г.

От старых вымокших черешен
я шёл на свет её окна.
Был без неё я безутешен.
Меня к себе влекла она!

Сквозь чёрный ливень,
как сквозь бред,
я шёл, ничем себя не выдав.
И отвернулся вдруг,
увидев:
она,
нагая,
гасит свет...

И он погас.
Я обернулся!
Но лишь дождём гудела тьма.
Стыд, что я к тайне прикоснулся,
обжёг и свёл меня с ума.

Ведь я не знал, что выйдет так!
Вблизи неё побыть немножко
я крался тихо под окошко,
не замечая дождь и мрак.

Дождь навевал ей лёгкий сон.
Она и не подозревала,
что я, такой, каких немало,
тайком давно в неё влюблён.

И я ушёл сквозь сад во тьму.
Я знал бредя по лужам в пене,
что на неё не подыму
глаза на школьной перемене.

1965, 2011 гг.

Этот ребус с серебряным ливнем!
 С этим блеском и плеском, и мы в нём,
 в этом блеске и плеске стеной,
 в амальгаме его водяной!
 Ни зонта,
 ни черта,
 ни навеса –
 вертикального ливня завеса,
 летний гнев громовержца Зевеса,
 мы подмяты, раздавлены вдрызг
 мегатоннами мчащихся брызг.
 А в кармане билеты на Баха.
 Плотно влита в лопатки рубаха,
 привкус неба на бранных губах,
 и басами бабахает – Бах!
 Как бахилы, разбухшие туфли,
 но глаза у тебя не потухли –
 облегло тебя платье по телу,
 ты хохочешь совсем не по делу,
 на тебя низошла благодать –
 хохотать!

Хохотать!!

Хохотать!!!

Ты
 хохочешь,
 а Бах
 всё играет –
 посочнее аккорд выбирает.
 Зычно, сочно звучат небеса.

Ты
 хохочешь,
 проста и боса!

Краем глаза – школяр, сумасброд –
я ловлю

твой хохочущий рот,
отблеск летних небес по лицу,
на губах световую пыльцу...

Это было похоже на счастье.
Лёд зубов, как фарфор снеговой.
Если счастье – то даже в ненастье
на цветной от небес мостовой.

1988 г.

* * *

Поманили травы у дороги.
Съехал с трассы –
 в даль
 издалека
плыли лучезарные, как боги,
пегие сырые облака.
Дождиком бока их отмокали.
Он сверкнул в полях и был таков.
Солнце, притаясь за облаками,
пригревало из-за облаков.
Мир был полон свежих чистых красок,
стлался ветер, травы шевеля.
И на белой лошади подпасок
ехал сквозь зелёные поля.

Веяло теплом широким – скоро
снова собирался дождь парной.
И, как поле, полное простора,
жизнь моя вставала предо мной.

21 июля 1987, 2011 г.

Сумерки пахнут сиренью.
Ею набит палисад.
Космы спуская к селенью,
тучи вдали парусят.

Всюду от листьев, от стенок
мокрых, но светлых вполне,
отсвет небесный, оттенок
слабый, но видимый мне.

Дождь этот майский! Светло с ним
встретить вечернюю тень.
Чем-то вовсю кончаловским
ломится в окна сирень.

До мятежа, до мигрени
сумрак по комнатам густ
женственным смехом сирени
и холодком её уст.

12 ноября 1987 г.

Весь день работал я для хлеба.
Настигла ночь меня в саду.
Я глянул в небо – и от неба
глаза никак не отведу.

Тьма.

Звёзды.

Бездна –

 перед нею
берёт внезапная тоска:
что значу я с судьбой моею
и добыванием куска?

И почему среди Вселенной
с мерцаньем звёздного огня
сознание бренности мгновенной
пронзает холодом меня.

6 ноября 1995 г.

ПОЛДЕНЬ

облака
над притихшей рекой
застоялись до изнеможения

поломаю
свое отражение
и потрогаю небо рукой

1977, 2005 гг.

Мать-земля, ветра твои прогоркли
сыростью весенней и тоской.
Я стою на солнечном пригорке
вдалеке от тщетности мирской.

Магта и суетность людская,
вековечный холод пустоты!
Ветерок, остудой в грудь плеская,
треплет худосочные цветы.

Мне под ветровыми небесами,
мать-земля, спасая и храня,
тихо светишь синими глазами
тех, кто жил на свете до меня.

С бледным стеблем, как они отважны!
И над ними космос ледяной.
Может, я когда-нибудь однажды
так же гляну в вечность надо мной.

24 января 1988, 2011 гг.

У ОЗЕРА

В борьбе с судьбой даю ей сдачу я,
её приемлю, не дрожа.

На рейд
от пристани Рыбачье
ушла вечерняя баржа.

Вода
слилась с лиловым небом,
все дали смутные смежив.
Я в мире жив
не только хлебом –
я этим небом
тоже – жив.

Я волю дал
небесным зёрнам –
пусть прорастут они в свой срок
здесь, где на космосе озёрном
баржи мигает огонёк.

1 февраля 1988 г.

СКАЗ

Нет грибов – поганки да свинушки.
Выхожу к районному мосту.
Мужики толпятся у пивнушки –
очередь с посудой за версту.

А над ними – глубина и дали,
роковая неба синева.
От земной заботы и печали
пухнет удалая голова.

Самому мне, что ли, выпить пива?
Всё-таки не город, а село ж!
Только поэтического пыла
этим пенным зельем не зальёшь.

Надо жить свободно, как природа,
быть скупым в желаниях своих.
Есть ещё соблазны у народа.
Есть свобода – уходить от них.

Как поэт я сам прошёл всё это.
Кто мне в мой стакан ни подливал!
Но во мне не видели поэта
ни один из верных подлипал.

Есть в соблазнах много от порока!

И, зажав презренную деньгу,
прохожу с улыбкою пророка
мимо корешей на берегу.

У меня другие интересы
прежним собутыльникам назло.
Из карманов руки выньте, бесы,
в спину мне грозите тяжело!

Я с народом, но теперь не с этим.
Я прозрел, а прежде был слепой:
надоело быть вторым и третьим.
Я свободен быть самим собой.

7 декабря 1987 г.

Тихо гасли вечерние краски,
когда я проходил сквозь село.
Лаял пёс на меня для острстки
вымещая хозяйское зло.

И визжала вовсю циркулярка
там, где были сараи и сад.
И в окошках по-летнему жарко
золотился заречный закат.

У штaketника бабы стояли,
толковали о чём-то ладком.
Как знакомому мне покивали,
хоть и не был я с ними знаком.

И умчался я в город просторный
постигать, вырастая вдали,
что мои непокорные корни
в эту сельскую землю вросли.

5 февраля 1987, 2011 гг.

СТАНОВЛЕНИЕ

*Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших сил.
С.Есенин*

Жми судьба,
презирай ковыляние,
с маху
прямо в простор
выноси!

Я
любил
попадать под влияние
знаменитых поэтов Руси.

Не годилось
в святоши рядиться.
И меня
начала
лепить
поэтическая традиция –
пить до дна!
И свободу любить.

Без свободы
тянулись пустыми
дни мои.
Это было давно.
За свободу
я в гаме и дыме
пил до дна
и ложился
на дно.

Инфантильность сопутствует честным.
Я искал возмужанья в вине.
Это было, наверно, протестом
против свинства в великой стране.

А когда нашумевшийся, вспухший,
унимал я похмельную дрожь,
Александр Сергеевич Пушкин
был всеилен, как спирт, и хорош.

Демонически желчно и ревностно,
у презрения на краю,
двадцатисемилетний Лермонтов
мучил нежную совесть мою.

Пил я крепко и каялся крепко.
А свобода имелась ввиду!
Только всё же духовная лепка
проходила не в пьяном бреду.

Этот чад меня вовсе не красил.
Оседала лишь горечь в крови.
И российская совесть – Некрасов
ставил ненависть мне на любви.

Наши классики – наши мессии.
Захотелось другого огня.
И новейшая муза России,
как нарколог, спасала меня.

О свободе почти позабыли
в дни срамцов и державных глупцов.
Но пьянили меня и любили
Евтушенко, Глазков и Рубцов.

Как прозрела ценой покаяния
и свободна – кого ни спроси –
вся земля в результате влияния
знаменитых поэтов Руси!

Дух свободы мне в сердце посеян
русской музой.
Его берегу.
Мой Кольцов и весенний Есенин –
мои ландыши в чистом снегу.

Путь поэта –
ступанье по лезвию.

Позади
становленье моё.
К чёрту водку!
Я
пьян от поэзии.
А свобода – синоним её.

1995 г.

ВЗГЛЯД

В Москве я помню Винокурова,
в себя ушедшего и хмурого.

Ему представлен был с вещами я –
я прилетел на совещание.

Людей не видел я усталее.
Смотрел он сквозь меня и далее.

Был он - задумчивый, рассеянный,
я – молодой, самонадеянный,

и мне хотелось понимания.
Но он оставил без внимания

меня, едва кивнув на «Здравствуйте!»,
свои в себе лелея страсти все.

Душа, я помню, осеклась слегка –
ведь я впервые видел классика,

и это было так волнующе.
Он начал как поэт в войну ещё!

Но не простил ему, конечно, я
взгляд – сквозь меня – в пространство вечное.

8 января 1988 г.

Мальчики-проповедники
переступили порог.
Пальчиком тычут, бедненькие,
в то, что изрёк пророк.

Братом зовут друг друга
во Христе.
Знают они, как туго
ему
на кресте?

Меня величают дяденькой,
смущаясь при том слегка.
В проповеди их сладенькой
маловато кипятка.

Отсутствие космоса, возгласа,
сфер, где миры висят.
Это у них от возраста.
Вырастут – возгласят!

Засяду ночью за Библию.
Чистка нужна нутру.
В судорогах
выблюю
как шлаки,
грехи
к утру...

Евангелие от Марка
и от Луки,
спаси от духовного мрака
и отвлеки!

«Плейбой» и порножурналчики –
для мальчиков-дьяволят.
Но есть и от Бога мальчики.
Небесного полон взгляд.

22 ноября 1995,2011 гг.

НО НЕ БЫЛ Я АНАХОРЕТОМ

Остановили божьи люди
меня на будничном пути,
чтоб тут же истину на блюде
из мудрых книг преподнести.

С категоричностью нескромной
я резанул, что я поэт,
мне скучно с истиной заёмной,
захватанной за много лет.

Я книжных истин знал немало,
не задержавшихся во мне.
Я истину не раз, бывало,
искал, как водится, в вине.

Был сам себе я ненавистен
с душой, как с чёрною дырой,
за частоколом чьих-то истин
своей не находя порой.

Но не был я анахоретом.
В вине, казалось, истин тьма.
Был поиск важен мне при этом,
важней, чем истина сама.

А жизнь текла, вино кончалось,
земля качалась и плыла.
И если истина встречалась,
то чаще горькою была.

С такую хоть ложись под поезд,
с чужою истиной взаймы.
Но вышел я на светлый полюс –
к себе - воистину из тьмы.

Я сам, не под чужой личиной,
на горьком опыте постиг:
от истин тянет мертвечиной,
они конечны, как тупик.

Прозрел в миру какой-то гностик,
дал искру толпам нарасхват..
Но истина - ведь только мостик
для поиска! А не догмат.

Я никогда не успокоюсь,
чужие истины жуя.
Мне во сто крат дороже поиск
своей - вот истина моя.

Осмеян даже и освистан
среди неправого суда,
свою на требник ваших истин
я не сменяю никогда.

26 декабря 2009 г.

КРЕСТ

За то, что молятся распятому Иисусу –
кровав тотем, но толпам всё равно –
я б дал пощёчину общественному вкусу,
да вкуса нет у общества давно.

И царь, и псарь,
убогий и калека
правы в своей последней правоте.
Молитесь. Но снимите человека
с креста.
Ему так больно на кресте!

27 января 2009 г.

РАЗРЫВ

Радио вдали играет Баха.
Фатум догорает, как свеча.
Убегает от меня собака,
раненую лапу волоча.

На груди болтается ошейник.
След трёхлапый страшен на снегу.
Я и сам - бродяга и отшельник –
от толпы в поля мои бегу.

Всё живое в мире - только эхо
боли, что пьяняща и тупа.
Как собаку кто-то переехал,
так по мне проехала толпа.

Перед болью я срываю шляпу!
Принимаю боль, как анашу.
Как собака раненую лапу,
раненую душу уношу.

14 февраля 1988 г.

ЧУМА

Чума
царила на планете.

Друг друга так любили мы,
что позабыли всё на свете.
И не заметили чумы.

Чума
безжалостно губила
любого. Бог людей забыл.
И только ты меня любила.
И только я тебя любил.

Исчез в мученьях и проклятьях
народ с поверхности земной.
Лишь мы с тобой спаслись в объятых,
не зная, что там за спиной.

15 ноября 2007 г.

ЛЮБОВЬ

Я бета тебя. Ты прима.
В сердце моём негасима.

Я втора. Ты первая скрипка.
Божественная улыбка.

Фигляр, стихотворец и клоун,
на воле цен я не целован.

Влюблён и грущу, как ни шкодно.
Моя Беатриче. Джоконда!

Жена моя, спутница, дева,
вкусившая с райского древа.

Меж нами нетленное нечто.
Останься в стихах моих вечно.

А гений и нега поэта
дадут тебе нового света.

12 марта 2008 г.

ГАЛАКТИКА

Л.Ш.

Накинь свой цветастый халатик
и тихо присядь у окна –
одна из наземных галактик,
подруга моя и жена.

Не надо ни жестов галантных
ни стёршихся слов про любовь –
я рядом с тобою талантлив,
как был бы талантлив любой.

Помыта на кухне посуда,
уснул наш ребёнок в тепле.
Красиво и просто, как чудо,
присутствуешь ты на земле.

Забыты друзья и дороги,
заботы и радости дня,
когда ты в любви и тревоге
поднимешь глаза на меня.

За окнами сумерки мая.
Мы снова с тобою вдвоём.
И снова, света и сияя,
восходишь ты в небе моём.

Предстанет глазам астрономов,
обживших космический куст,
как редкая вспышка сверхновой –
энергия вспыхнувших чувств.

И миг этот исповедальный
бесценен на тысячи лет:
в тебе как в галактике дальней –
любви излучившийся свет.

Затеряны мы во Вселенной.
Но ты отовсюду видна –
в квартире по улице энной,
со мной у ночного окна.

1988 г.

РУБИЩЕ

Объявлюсь босиком и в рубище.
Не одежкой красен поэт.

А в меня ты в такого влюбишься,
если в рубище я одет?

Это бзик мой!
Моя квази-мода.

Кто в отрепьях?
Орфей?
Квазимодо?

Обожаю грубые рубища!

Если влюбишься – сердцем врубишься.

Ты одна мой полёт и крах.
Мой удел у тебя в руках.

27 августа 2006,2007гг.

Прощай!
Расстались тяжело мы.
Всё разлетелось в пух и прах.

Тюки прессованной соломы
желтеют в скошенных полях.

Прикрыл я плотно в тамбур дверку.
Смотрю в поля, где воздух сиз.
А провода взлетают кверху
и с ходу опадают вниз.

Всё стало зыбким и неверным.
Отшатываюсь вдруг на шаг,
когда за стёклами – по нервам! –
грохочет встречный товарняк.

Из дали в даль, не успокоясь,
на стыках стучая стальных,
меня уносит скорый поезд
от глаз обугленных твоих.

8 июля 1988, 2011 гг.

Эта женщина – вещая птица –
всё зовёт за собою, паря,
и не хочет никак опуститься
на мои золотые поля.

Ей моя приземлённость противна,
ей своя окрылённость мила.
Всё меня окликает призывно,
испытать предлагает крыла.

И не зная ни сна, ни покоя,
всё я зов этот дальний ловлю,
всё я в небо смотрю грозное,
всё я женщину эту люблю.

30 сентября 1987, 2005 гг.

ОСЕНЬ

Все
куда-то спешат и бегут,
запасают мешками картофель.

А меня
всё глаза твои жгут
и зовут твои губы и профиль.

Ты прошла – как тепло с синевой.
Ими впрок не успел запастись я.

Лишь летят над моей головой
золотые
холодные
листья.

12 октября 1983, 2007гг.

Я – тень у ног её –
щедрот таких не стою.
Как много всё же мне
осталось от веков:
хранить, пока и сам
не слился с пустотою,
её усталый взгляд
и звук её шагов.

1980 г.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ – 87

Вся душа окровавлена, сбита
на жестоких витках бытия.
Началась эпидемия СПИДа –
сообщает «Спидола» моя.

В «Литгазете» твердит Вознесенский
всем о том, о чём чаще молчат.
Возле старой скамьи возле сельской
не видать ни парней, ни девчат.

И меня посещает обида,
сам себе я сегодня постыл,
из-за этого самого СПИДа
я к любимой своей поостыл.

Дорогая, мы взрослые люди,
как же будем себя мы беречь,
если даже о чистой посуде
заходила по радио речь.

И не место слезам и обидам
в этом мире, где столько струсилось.
Апокалипсис вылился СПИДом?
Спи одна, и да с нами Христос.

21 октября 1987 г.

СПРАВКА

Живу в квартире однокомнатной
с моей тоскою-анакондой.

24 октября 1987 г.

Завёл меня, и я завёлся,
запрягся, как засел за вёсла,
загрёб не вспясть, а супротив,
тем заводившего смутив.

Он, заводивший, был уверен,
что я покладист и умерен,
и что завод его стерплю.
Но я давно себя леплю.

Я не люблю, когда заводят,
без спроса в душу мне заходят.
Я заводжусь, как заводной,
на несчитавшихся со мной.

Я жёсткий бой даю без правил
тому, кто боя и не ждал,
тому, кто в грош меня не ставил
и заводиться понуждал.

19 октября 2010 г.

МОИ НАЧАЛЬНИКИ

Евгению Колесникову

Мои начальники со мной бывали строги.
Меня всё время заносило вкривь и вкось.
Когда срывался я порой с пути-дороги,
бросали кратко мне они: «Ты это брось!».

Не тот начальник, кто по штату мне положен,
а тот, кто мне как старший брат и верный друг.
Начальник штатный иногда пустопопорожен.
В моих счастливо совпадали штат и дух.

Мои начальники!
Вначале было дело.
Мне почему-то на начальников везло.
Азам учили терпеливо и умело
мои начальники меня – и дело шло!

Я от природы был ленив, а силы были,
и, если надо, мог пахать, как заводной.
Мои начальники задор во мне ценили
и уважительно здоровались со мной.

Боксёр-начальник, помню, мне за пораженья
всё выговаривал, в беззлобности вина.
Но не прогнал. Гоняя до изнеможенья,
он чемпиона всё же сделал из меня.

Начальник-слесарь был ревнив ко мне: «Однако ты, писарчук, такой медлительный. Увы, ты тихо едешь. Но работаешь без брака. Ты много пьёшь! Но не теряешь головы...».

Поэт-начальник подходил с высокой мерой,
читал, прикапывался к каждой запятой.
И весь мрачнел, когда строка бывала серой.
И весь сиял, когда бывала золотой!

Боюсь, тогда я не прибавил им покоя.
Наоборот, они забыли про покой.
Но что-то видели они во мне такое,
что не давало на меня махнуть рукой.

Спасибо им, я не побрёл по бездорожью!
Мои начальники с крестом учителей
во мне тогдашнем различили искру божью
и распалили искрой божьею своей.

1995 г.

В ПОЛЯХ

Мне
все мои метания
простятся –
мечусь я,
обо всём живом боля.
Творящую
 энергию
 пространства
хранят в себе
широкие поля.

В полях
есть только видимая голость
и мнимая таится тишина.
Но эта тишина – тот самый голос,
которым вся вселенная полна.

И слышу я
гудящую над полем
вдруг правдой обернувшуюся ложь:

...ты
смертен потому
 что жизни полон
но ты
бессмертен тем
 что ты умрёшь

испытываясь космосом безмерным
не надо локтя близкого кусать

ты
до рожденья
был уже
бессмертным
но жизнь нужна
чтоб это доказать

пусть смерть
тебя
пугает
словно плаха
за так я ничего не отдаю
не унывай
всё принимай как благо
и даже смерть грядущую свою...

Простых цветов здесь трогательна скромность:
солodka,
иван-чай
и молочай.
Отсюда
начинается
огромность
души,
слетавшей
в космос
невзначай.

О, как нужна сейчас мне сила воли,
когда кипит эпическая мгла!
О жизнь моя!
Как силовое поле
работай,
чтоб не стало в мире зла.

В комплоте гравитаций и мутаций
тряси меня, энергия эпох,
чтоб я,
уставший драться и метаться,
подзарядился вечностью,
как Бог!

Ну что с того, что плоть досталась брэнной!
О всём земном
до края отболя,
я не умру,
а в мегабыль вселенной
уйду,
как в беспредельные
поля.

21 февраля 1989 г.

И когда земная будет спета
песня –
объявлюсь я издали
в светлом следе от велосипеда
на прибитой дождиком пыли.
В облике безоблачного лета,
в родниковых россыпях росы.
В ласточках над полем, полным света.
В свежем шуме лесополосы.

Вся природа, устали не зная,
травами и птицами звеня,
существует, словно кладовая
всех, кто был на свете до меня.

От земли, где тело обретает,
где коренья режутся сквозь прах,
никуда
душа
не отлетает –
обитает в травах и цветах.

Не нарушить этого порядка.
Не избыть пронзительную синь.
Оттого так горько и так сладко
пахнет придорожная полынь.

1998 г.

МОЙ ГОЛОС

Нет, я не Байрон, я другой...

М.Лермонтов

Я Евтушенко, Смеляков, Твардовский,
Есенин, Мандельштам и Маяковский,
Жигулин, Вознесенский и Рубцов,
Некрасов, Баратынский, Фет, Кольцов,
Уитмен, Рильке, Лорка и Неруда!
И фрунзенских поэтов – Аксельруда,
Колесникова – принял я черты,
мой рот орёт, когда орут их рты!
Я Заболоцкий, Пастернак, Светлов,
Ахматова и Белла Ахмадулина,
есть даже дух Рыгора Бородулина,
Олжаса Сулейменова во мне,
Абая, Навои и Токтогула...
На мощной поэтической волне
идушей и несущей столько гула,
что слышен он в любой земной стране
среди небоскрёбов и в тиши аула,
в толпе стоустой и наедине
с любимой, что доверчиво уснула
и тихо улыбается во сне –
родился я и всеми стал вполне,
тем самым став собой среди разгула
застойных послесталинских времён.
Я – синтез поэтических имён,
живой, а не духовная могила.
Моих учителей взрывная сила
мне стала кумачом моих знамён.
От них не отступлю я ни на волос
теперь, когда оформился мой голос.

«Нет, я не Байрон, я другой...».
Но я и Байрон, я и Лермонтов
среди «ура!» орущих нервно ртов
в атаке на передовой.

Так вот откуда эта желчь!
Когда в огонь идёт пехота,
поэту просто жить охота,
а не сердца глаголом жечь.

Но страх бессильнее стыда
за этот страх.
И выше жизни
свою любовь к своей отчизне
поэты ставили всегда.

И как бы критик ни кусался,
и как ни портил мне кровей,
я славлю вечный дух гусарства
болеть о родине своей.

Мне слава слуха не ласкала.
И не был я к страданиям глух.
Поэты мира – мой «Ла Скала» –
мне голос ставили и дух.

Всем, кто во мне выискивает «блех»,
Я говорю воинственно: - Я – Блок.
Мои стихи не жалкая невянца.
Вглядитесь, и увидите «Двенадцать»!
И всем, кто настораживает ушки,
морали чтя, пустые, как хлопушки,
я говорю: - Я долгожданный Пушкин.
Его вы ждали? Вот он – видит Бог.

Вдали пора Бориса Годунова.
Отчизна помнит кровь своих сынов.
А зло живёт.
И в мир приходят снова
то пиночет, то новый гадунов.

Диктатор в преступлениях не покается.
Скликается на трупы вороньё.
«Поэты мира против апокалипсиса» -
движение многотрудное моё.

И лира, словно чуткая антеннка,
настроена на боли бытия.
И только потому я Никитенко,
что все поэты мира – это я.

Бесценно поэтическое имя.
Меня не соблазняет пьедестал.
И прежде, чем собою стать мне –
ими
живыми и бессмертными –
я стал.

Я ими стал. Я им не подражаю.
Их боль – моя.
Болит мой каждый стих.
Я во сто крат в цене подорожаю,
когда во мне расслышите вы их.

Ни у кого ни строчки не крадите,
не видя дальше кончика пера!
А я беру от их больших традиций –
желания свободы и добра.

Бойтесь эпигонства вы, а сами
всю жизнь поёте голосом сырым.

Но голос мой –
их полон голосами.
И этим самым он –
неповторим.

1997 г.

Рамису

Я поэт возлеесенинский.
Тем властней влекут сейчас
Маяковский, Вознесенский –
непохожие на нас.

Солнце рыщешь в непогожесть.
В солнце – ищешь тень как раз.
Конструктивна непогожесть,
продуктивна как контраст!

От тебя мороз по коже.
А ведь я тебя люблю.
На злодейство не похоже.
А ведь я тебя гублю.

Я бы в поле был полезен –
предки-пахари в роду.
По сквозным садам поэзий
непохожий я иду.

На ветвях генеалогий,
как продукт чужих кровей,
сердце, полное мелодий –
с неба схожий соловей.

Обожаю всех горластых!
Потому что сам я тих?
Отрицать мы все горазды.
Прорицать – сыщи таких.

Нет в отечестве пророка?
Есть пророки, был бы слух.
С непохожими – морока.
Мир встаёт для оплеух.

«Непохожему – по роже!».
Целит в грудь неодантес.
Как всё это не похоже
на божественный прогресс.

Нет поэта – нет прогресса.
Без поэзии хана.
Я в садах её погрелся.
Не сломаюсь ни хрена.

Имена – родных дороже –
вас свищу и мщу за вас.
Всем давателям по роже,
упреждая, бью меж глаз.

Как подкошены, иуды
вверх тормашками летят.
Не похоже, что забудут.
Не похоже, что простят.

Я поэт, но я не агнец.
В свой черёд без всяких лаж
в моего дантеса ахнет
горький пушкинский «лепаж»!

14 февраля 1988 г.

НЕ СЛЫШАТ

Не слышат, хоть убей!
Да что они, оглохли?
Кричи – не докричись,
не слышат, хоть убей.
Проходят по делам,
прямые, как оглобли.
Неужто я горел
для этих вот людей?

Не слышат, хоть убей!
Как будто между нами
стеклянная стена –
видать,
но не слышать!
Не слышат, хоть убей!
Наверно, лишь цунами
внезапностью своей
их сможет всколыхать.

Не слышат, хоть убей!
Ах, виноват я сам-то:
на выверт и на ферт
не тратил я паров,
в то время как для них
выделывали сальто
ловчилы-рифмачи
и трюкачи стихов.

Не слышат, хоть убей!
Что за метаморфоза?
Когда же дьявол в них
сменил всех голубей?

К чему весь этот лёд
и царственная поза?
Кто в профиль,
кто спиной...
Не слышат, хоть убей!

Не слышат, хоть убей!
Плебей царям не ровня?
Лица не повернут:
на то ты и плебей.
И сам себе кажусь
я тёмным, как «длярёвня».
Чем дальше, тем темней...
Не слышат, хоть убей!

«Мне холодно, -
кричу, -
мне голодно,
мне плохо!
Послушайте, -
кричу, -
я сир, как воробей!..».
Такие вот дела.
Такая вот эпоха.
Такая вот страна.
Не слышат, хоть убей!

1988, 2011 гг.

УСЛЫШАЛИ

Услышали!
Ура!
Услышали!!!
Вот первый
чуть повернул лицо
и смотрит на меня,
и разевает рот,
как рыба
(это нервы!),
но слов не разберёшь –
стеклянная стена.

«Послушайте!» -
кричу.
Прикладывает ухо,
в досаде морщит лоб:
ни звука не дошло.
«Послушайте!» -
кричу,
но торжествует глухо
меж нами, как фантом,
проклятое стекло.

«Послушайте! –
кричу, -
минуточку вниманья!».
А он уже ушёл.
Другие у стены.
И все обозлены –

стена непониманья
тем толще,
чем плотней
толпа с той стороны.

Услышали меня –
не поняли ни звука.
Услышали меня –
нет ни в одном огня.
Услышали меня –
вот горькая наука.
Уж лучше бы они
не слышали меня.

1988, 2011 гг.

*Я убит подо Ржевом.
А.Твардовский*

Вы убиваете меня
копьем на поле Куликовом.
До Хиросимы далеко вам.
Вы убиваете меня.

Вы
убиваете
меня.
Я пал на поле Куликовом.
Но с каждым днём и веком новым
вы убиваете меня.

Вы
убиваете
меня.
И в каждом узнике застенка
есть Александр Никитенко.
Меня казните, их казня.

Вы
убиваете
меня.
Жив мой Дантес и мой Мартынов.
Всё мало Золотой орды вам?
Вы убиваете меня.

Вы
убиваете
меня.
И упиваетесь убийством.
И улыбаетесь убийцам.
Вы убиваете меня.

Свобода,
родина –
судьба,
одна дорога столбовая.
Меня всё время убивая,
вы
убиваете
себя.

Смердите тленом неспроста.
И вашей памяти стыдится
в веках
распластанная
птица
Христа,
не снятого
с креста.

1996 г.

СМЕРТЬ ВОРОНА

В глухом лесу чернел он на снегах.
По веткам висли снежные охапки.
Я подошёл – и у меня в ногах
лежал он, вскинув скрюченные лапки.

Он долго жил в чащобах, где темно,
где прыщут белки и где рыщут волки.
Но смерть его настигла всё равно
и навзничь повалила с мрачной ёлки.

Впечаталась в снега его спина –
для птицы неестественная поза.
И мглилась по чащобам тишина.
Потрескивали ёлки от мороза.

Есть свой конец на свете для всего.
И о себе подумал я устало:
раз в пять мой век короче, чем его.
Но вот я жив, а ворона не стало.

Лесную глушь и скудный зимний свет
он отражал остекленевшим взглядом.
Эпическое время – 300 лет –
остановилось и стояло рядом.

Таинственно и жутко было тут.
И чёрный ворон был черней печали.
И звери обходили этот кут,
и птицы это место облетали.

13 января 1989 г.

МИРОВАЯ ВОРОНУ

Чёрный ворон –
до сих пор он
 чёрный,
 мрачный,
 теневой.

Ты не вейся,
 чёрный
 ворон,
над моею головой.

В чистом поле
чёрный атом
испарит,
спалит сердца.
Чёрный ворон,
чёрта с два там
расклюёшь ты
 мертвеца!

Враждовать резона нет нам.
Будет мир разъят,
 распят.
Да и сам ты станешь пеплом,
излучающим распад.

27 декабря 1987, 2007 гг.

Осенний дождь повис во мраке
и веет, словно мокрый прах.
Как шерсть на холке у собаки,
полынь наволгла на холмах.

В полях пустынно и просторно.
Из труб селенья вьётся дым.
И жизнь моя – крыла простёрла
над всем грядущим и былым.

Стучит на стыках дальний поезд,
горят огни его сквозь мглу.
И длится жизнь моя как повесть -
страничка загнута в углу.

14 июля 1981 г.

Над дальним полем дымка синяя.
У этой дали
и полей
душа красивая и сильная.
Она сродни душе моей.

Горя сурепкой, жёлтым донником,
зелёно-синий колорит
со мной бродягой и бездомником
о сокровенном говорит.

О тайном, вечном и непонятом,
с чем связан я огнём родства,
как с полем вольным и неполотым
корнями сцеплена трава.

21 мая 1988, 2011 гг.

Лишь глаза я скошу из кабины
как летят, пронимая до слёз,
эти красные гроздья рябины,
эти жёлтые листья берёз.

Отзвенело короткое лето.
Дождь сечёт ветровое стекло.
И осеннего грустного света
много в сердце моё затекло.

И горят у шоссе, как рубины,
обжигают меня, как невроз,
эти красные гроздья рябины,
эти жёлтые листья берёз.

30 сентября 1987 г.

Повеет вечерняя свежесть,
умолкнут в ветвях воробьи.
И я непростительно срежусь,
с обычной сойду колеи.

Запахнет примятая мята...
Бездонную высь пронизав,
пунцовое пламя заката
смешается с зеленью трав.

Проедут с работы селяне,
осядет багряная пыль.
Души и природы слиянье
врастёт в серебристый ковыль.

И я до травинки приемлю,
до камня, до мшелого пня,
вечернюю красную землю,
которая примет меня.

22 мая 1980, 2011 гг.

*Река Тишина.
Л.Мартынов*

После поездов и теплоходов,
после самолётов и машин
почему-то тяга не проходит
к тишине – тишайшей из тишин.

Слышно здесь,
как кровь шуршит по венам.
Тишина колышет камыши.
О высоком, необыкновенном
думы в эту пору хороши.

Круглое малиновое Солнце
лётся, неопасное для глаз.
На траву ложится и на сосны
свет его – малиновый сейчас.

Слаще всех дорожных потрясений
и былых смятений – в этот миг
длинные малиновые тени
от меня и сосен вековых.

Мчал на крыльях я и на колёсах.
Видел новь и помнил старину.
После всех дорог многоголосых
как в реку вступаю в тишину.

1988, 2011 гг.

Сыро. Земля не просохла.
Сердце изводит на нет
берега ржавая охра,
стылой воды фиолет.

Что́ так влекут эти воды
с тайным мерцаньем густым,
эти картины природы
с ветром по рощам пустым?

Что ты всё бродишь по свету,
полному вечной молвы,
слушая музыку эту
ветра, воды и травы?

Всё принимай без печали,
чтобы уже навсегда
влиться, врасти в эти дали,
словно трава и звезда.

13 декабря 1987 г.

Среди предзимних скудных красок
стоит десятка два дворов.
И в джинсах маленький подпасок
посвистывает на коров.

Фуфайка моросью наволгла,
но у мальчишки весел взгляд.
Мне вслед внимательно и долго
бурёнки мокрые глядят.

Сырой листвы дымится ворох,
и сапоги мои в грязи.
Здесь поездов не видно скорых,
аэропортов нет вблизи.

Домá – я видел и повыше.
Но почему всего милей
мне эти вымокшие крыши
и мётлы голых тополей?

В каких вагонах ни качало,
что ни бежало под крыло,
я помнил: здесь моё начало,
и здесь, как в детстве, мне тепло.

Почти с другого края света
спешу – и сходит тень с лица –
под небо пасмурное это,
к ступеням ветхого крыльца.

1983, 2007 гг.

НЕБЕСА

Обсыхают гуси на заплоте
посреди росистой лебеды.
Ласточки на бреющем полете
пух снимают с утренней воды.

Меж деревьев – шиферные крыши.
Утопает в зелени село
чистое, тенистое – а выше
в небесах пустующих светло.

Где-то по америкам, европам
в городах грохочет синема.

Тонко пахнет мятой и укропом
по садам густая синева.

Здесь село соседствует задами
с широтой распахнутых полей.
И зовётся небо над садами
синим небом родины моей.

Здесь пастух на выгон гонит стадо,
звонко длинным щёлкает кнутом.
Мне давно других небес не надо
кроме тихой выси над прудом.

8 июня 1988, 2011 гг.

В этом небесном объёме,
в синих всхолмлениях рощ,
в воздухе, как в водоёме,
скрыта духовная мощь.

Воздуха синяя призма –
родственница родников –
вспоит и ныне и присно,
да и во веки веков.

Ты человеческой породы.
Ты убиваешь свой стресс
слухом великой природы,
духом веков и небес.

1996 г.

Цветёт цикорий на поляне.

В то лето, в солнечные дни,
о как мне сердце наполняли
его лазурные огни!

Я приезжал на пруд купаться
часам к семи или к восьми.
И в неудачах покопаться
мне было мёдом не корми.

Вся жизнь моя казалась мрачной,
пустячной, хоть ложись костями,
какой-то сумрачно-барачной
и неудачной, чёрт возьми.

Казалось, что не будет сроду
просвета в бедственной канве.
И я всё рвался на природу,
как зверь к целительной траве.

Я уставал от аллегорий!
И вдруг увидел в тот рассвет
как на поляне цвёл цикорий,
пробитый солнцем напросвет.

Цвёл широко, на всю поляну,
в лазурном солнечном огне.
И заслонял он всю подляну,
судьбой подкинутую мне.

От чёрных дыр и приворота,
от наваждения и зла,
как мать, спасла меня природа,
простым цветком своим спасла.

16 июля 1997 г.

ЗНОЙ

Растрескалась земля,
зверело Солнце злое.
Зной обжигал лицо
калёною волной.
И зыбко, как мираж,
как наваждение зноя,
два дерева в степи
возникли предо мной.

Два дерева в степи
и жгучая остуда
живого родника,
звеневшего у ног.
Два дерева в степи –
как воплощение чуда.
Два дерева в степи –
и я не одинок.

Два дерева в степи
припомню я однажды
и выжженных небес
растекшуюся медь.
Два дерева в степи,
где утолил я жажду.
Два дерева в степи,
чтоб мог я песню спеть.

И если песня есть
и сложена на счастье
для жителей земли –
мужайся и терпи.

Покуда жив родник
в душе плодоносящей,
как на краю земном –
два дерева в степи.

28 февраля 1983 г.

ТОММИ КОНО

То сбываясь,
а то не сбываясь,
сны проходят –
я ими томим...

Томми Коно,
Железный Гаваец,
был когда-то кумиром моим.

Не какая-нибудь там икона,
а почти запрещенный приём:
я молился тогда
Томми Коно,
я вставал
и ложился при нём.

Над моим потрясающим другом
не светился божественный нимб.
Был он в детстве изломан недугом,
но взошёл на спортивный Олимп!

Подбоченясь,
с журнального фото
на меня
он смотрел со стены,
развернув, как крыла для полёта,
широчайшие мышцы спины...

Не до шмоток и модных ботинок,
я мужал, обиходил семью.
Эту жизнь как один поединок
переламывал в пользу свою.

Кровью, потом победы давались.
Академиков нет по родным.
Томми Коно, Железный Гаваец,
был когда-то кумиром моим.

Так кипи, житие – не житуха,
так являй в передряге любой
высоту человеческого духа,
силу воли и власть над судьбой.

26 мая 1988 г.

Это лето с тополиным пухом,
с иволгами-флейтами в листве!
Весь я взорван зрением и слухом,
утопая взглядом в синеве.

Пух влетает в синь – я как нетрезвый,
пух клубится – кругом голова.
И, сквозь пух вздымая зелень лезвий,
побелела хищная трава.

Забелели травяные склоны.
Забраны глубокой синевой
тополей тенистые колонны
и шумят зеркальной листвой.

Пух покрыл весь пруд до побережий.
Всё-таки на снег он не похож,
потому что ветреный и свежий
этот день так звонок и погж!

Потому что я с огня и света
захмелел, как будто молодой.
Потому что я влетаю в лето
с тополиным пухом над водой.

1996 г.

ПЧЕЛА

Я плыл по озеру вчера.

Тонула в озере пчела.

Я спас её и снёс в траву.

Живи, пчела, раз я живу.

10 июня 1997 г.

СТИХИ ОБ ОТЦЕ

Отец!
Печаль моя живая.
Морщины резкие у рта.
И не имеющая края –
безжалостная доброта.

Таких как он, осталась горстка
во всех краях моей страны.
Он был творцом Магнитогорска
и рядовым большой войны.

К нему любовь свою сыновью
я в строчку каждую вдохну.
Он заплатил солдатской кровью
за всенародную весну.

Он дал отсчёт моим победам.
И вышел в мир я без границ,
сам стал отцом и ранним дедом,
но перед ним склоняюсь ниц.

Пиджак неброского суконца,
и на висках – густой снежок...
Он жизнь мне дал, чтоб я от Солнца
о нём стихи свои зажёг.

13 февраля 1982, 2011 гг.

ДОБРО

С завода шёл, решил проветриться.
Устал на смене, брёл, бескрыл.

Водитель синего троллейбуса
мне тормознул и дверь открыл.

Я сел, я вжался в спинку рёбрами.
Вздыхнул я легче оттого,
что есть на свете люди добрые.
Хотя не все до одного.

Жизнь наша в мире так заверчивается,
как нам самим и по плечу.

Кому-нибудь из человечества
добром я тоже отплачу.

1988 г.

Но душевно чинарик горит
и тебя утешает исправно.

Обо мне
 твоё сердце болит.
А моё –
 о тебе.
Ну и славно.

8 января 1987 г.

СПАС

Стадность – с нею поспокойней
всем, кто вырос на вожжах.
Но какой всеобщей бойне
их врасплох предаст вожак?

На рожон, срываясь, лезьте,
если топчут в вас стада
чувство совести и чести,
чувство долга и стыда.

Спас – не стадо. Ибо в Спасе
уникальности черты.
А без этой ипостаси
мы не люди, а скоты.

14 февраля 1988 г.

Улетели соловьи и скворки.
И поют метели за окном.
Прикурю от газовой конфорки –
хрустнет чуб, прихваченный огнём.

Чайник, словно Соловей-разбойник,
всё свистит и крышкой дребезжит.
И в душе, как в горнице покойник,
юность отшумевшая лежит.

1988 г.

Мой пыл остыл. Рука моя устала
класть строки непосильного устава
моих догадок.
Горького состава
их сопряжений мне не перевозмочь:
в них редкий свет, а всюду ночь и ночь.

Я всех простил! Мой пыл остыл. Рука
неметь устала, вспоминал пока
когда и кто и чем меня печалил.
Как будто в тихой гавани причалил –
ни памяти, ни ветра, ни гудка.

О, таинство беспамятства и штиля!
Как красота и совершенство стилия,
боль дисгармоний в сердце пересилия,
гармонией повеет на листы –
так сердце очаровываешь ты.

Но штиль отраден – после потрясений.
Я в тихих бухтах не искал спасений.
Тому, кому блеснёт однажды гений –
всё хаос! Всё зола! Всё трын-трава!
Но в хаосе гармония жива.

Прощаю, новый век, твоё уродство,
прощаю, что предела нет у роста
зла твоего и твоего сиротства,
и у твоих повальных пандемий.
Прости меня, и мирно подымим.

С прогрессом зла растёт его антоним.
Его мы, как сквозь строй, нередко гоним,
а после, как убийцы, смертно стонем,
что кара в наш является развал.
Но это я предвидел и назвал!

Меня сама Вселенная простила,
меня простили все её светила
и звёздочка, что в детстве мне светила,
простила мне. И я её простил.
И непростую явь я упростил.

Прощаю – прощю некуда на свете,
я всё простил, я прост и чист, как дети,
я вас в свои заманиваю сети:
простите мне, простите всем, всему!
Простите свет рождающую тьму.

Злой демон, он же дьявол, посетивший
меня,
меня посулами прельстивший,
почти отстал. Прощённый и простивший,
я точно знаю, где добро и зло.
Но у меня отнял он ремесло.

Ко мне его могучие астралы
явились, прихватив свои анналы.
У них прямые медиаканалы
вселенской связи. У меня – слова.
Мой пыл остыл. Рука моя мертва.

Ни слова больше. Ни строки. Ни звука...

И тут сама космическая мука
как свет, как наставленье, как наука
дошла до снежно-белого листа! –
Другой поэт всё ставил на места.

«Гармония прощенья как прощенье
прощенья у всего, у всех – прощенье
как очищенье, то есть укрощенье
слепого зла лишь тем, что ты простил».

Вращенье всепрощающих светил...

1988 г.

Уже другие в суверенном ветре
взросли и обрели другой исток.
А я оторван от советской ветви,
как от родного дерева листок.

Без прежней цели, без духовных братьев
я по чужой обочине побрёл.
Свою былую родину утратив,
другой такой я больше не обрёл.

Я понимаю: глупо против ветра
плевать – в лицо влипают свой плевков.
Но на судьбе совдеповская метка.
Плюю и утираюсь как совок.

22 ноября 2008 г.

Средь рыночной дикой потравы
не понят и странен подчас,
стихами горю не для славы,
а чтоб достучаться до вас.

Разруха в умах. Голодуха.
Но в Богом забытом краю
я верую в первенство духа
и вам эту веру даю.

Да ваши сердца на задвижках,
как двери на суперзамках.
И я в своих нынешних книжках
всё больше у вас в дураках.

По жареным фактам, по сплетням
вы в жажде с разинутым ртом.
Но кто посмеётся последним
ещё мы посмотрим потом.

27 ноября 2008 г.

Дождь промчался и шумно, и быстро,
и опять я смотрел в синеву.
И дождём освежённые листья
тихо капли роняли в траву.

По полям и густым перелескам
Солнце кинуло звонкую сеть,
наполняя трепещущим блеском
всё, что в силах сиять и блеснуть, -

словно я не вкусил ещё правил
вековых – о добре и о зле –
и ликующей душу оставил
на сияющей солнцем земле.

14 июня 1986, 2011 гг.

Александру Крутикову

На фоне солнца листья чёрные,
черна высокая трава.
Сияют заводи озёрные –
в них зеркала и синева.

Рассветный ветер морщит заводи.
Гляди на солнце пред собой
и выше – в высь глаза веди,
в глубокий космос голубой.

Душа тоскует по высокому,
простоволоса и боса.
И, словно бабочка из кокона,
отважно рвётся в небеса.

Щемит, зовя туда и сманивая,
где далеко во все края
носилась до существования,
где будет после бытия.

1988, 2011 гг.

Облака и птицы, и
вечность в гроздьях звёзд –
Божьи инвестиции
в мой духовный рост.

16 сентября 2008 г.

2. ОТКУДА РОДОМ Я НАВЕК

*...иду – красивый,
двадцатидвухлетний.
В.Маяковский*

Шёл красивый, двадцатидвухлетний
я по белу свету из села.
Выбирал дорогу поприметней –
чтоб вела и по сердцу была.

Жизнью, как хорошей жгучей плетью
был я незаслуженно огрет.
Шёл красивый, двадцатидвухлетний -
стал я некрасивым в сорок лет.

Некрасивый и сорокалетний,
понимаю: так тому и быть.
Есть душа, и всё-таки есть свет в ней,
а лицо – с лица воды не пить.

Осень рядом, а во мне - дух летний,
и владеет им навверняка
тот красивый, двадцатидвухлетний,
чудом уцелевший к сорока.

28 октября 1986 г.

Самый мой первый враг – это я сам.
Самый мой первый друг – это мой враг.
Поэтому я подымаю глаза к небесам:
ниспошли мне, Отец, силы для новых драк.

Ибо нет труднее побед, чем над самим собой.
Ибо мой враг полагает, что я оступлюсь.
И когда в новый день выхожу я, как в новый бой,
на благодушье друга я уже не куплюсь.

Цепями его благими я уже вдосталь тёрт.
Они меня убивали вроде бы как любя.
Я на врага уповаю, зол и учён, как чёрт.
Лишь одного не знаю – как победить себя.

Ибо врагу я друг, другу я враг. Отец!
Ты хоть меня не оставь. Ставь на меня, и я
встану ещё из пепла. Из мальчика для битья
в матёрого олимпийца вырасту наконец.

31 июля 2009 г.

Cogito, ergo sum.
Декарт

Я существую – значит, мыслю.

По существу, я начат мыслью
что должен я существовать –
когда отец влюбился в мать.

Но существуют ведь без мысли
земная твердь,
сквозная высь ли!..

Иль это тоже чья-то мысль –
земная твердь,
сквозная
высь?

6 июня 1983, 2011гг.

* * *

Лебединовцам

Патриархальные просторы,
пятидесятые года!
Я помню двор заготконторы,
под первым током провода.

Подобно вестнику, что скоро
всем заживётся веселей,
вёз от столба к столбу монтера
трофейный фыркавший «Харлей».

Ещё порой недоставало
то керосина, то угля.
Но широко страна вставала,
раскинув реки и поля.

Снега мели, цвели апрели,
гремели майские дожди.
И с репродукции смотрели
в глаза кремлёвские вожди.

Нас принимали в пионеры.
Был общей гордостью села
«ЗИС-5» с кабиной из фанеры,
где в дверцах не было стекла.

В обрез одежды и продуктов –
голь, и к гадалке не ходи.
Но чёрный круглый репродуктор
сулил достаток впереди.

Я парусиновые туфли
до лоска мелом натирал.
По вечерам огни не тухли
и в клубе шёл киножурнал.

Послевоенная година
как бы в дыму пороховом...
Но вся страна была едина
в своём порыве трудовом.

Уже космическою новью
и в нашем веяло краю.
Всем чистым сердцем по-сыновьи
я верил в родину мою.

Она для нас была прекрасна,
она нам матерью была.
Нам, в красных галстуках, вихрастым,
давала крепкие крыла.

Теперь ушла с золой и пеплом
моя страна. Там встала Русь.
Но к той стране, большой и светлой,
я, словно к матери, тянусь.

Наперекор наветам пошлым
на ту страну и тот народ,
чем дальше греюсь этим прошлым,
тем дальше рыпаюсь вперёд.

5 ноября 2008 г.

*И шестикрылый серафим
На перепутьи мне явился.
А.Пушкин*

Потому-то сердцами и стынем,
что печёмся о брэнной нужде.

Растрерял я себя по пустыням –
серафима не встретил нигде.

На земле серафимов забыли.
Не желали о вестниках знать
ничего! Только ели и пили,
и ложились, отужинав, спать.

Был я полон вселенского духа!
Но надолго к земному приник.
И в гортани коробится сухо
мой иссушенный зноем язык.

Мне глаголы дадутся едва ли –
в них теперь уж до самого дна
лишь времён беспредельные дали
да пески через все времена.

Не разбудишь возвышенным слогом –
хоть распни себя как иудей –
эту землю, забытую Богом,
этих небо проспавших людей.

1988, 2011гг.

* * *

*Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы, -
С раскосыми и жадными очами!*

А. Блок

Муза, муза, туман отстелился.
Проницая века без цепей,
я не спился и не застрелился,
и живу по скрижалям степей.

Уцелев при развале Союза,
как в полынной степи истукан,
моя добрая старая муза,
за тебя подымаю стакан.

Всё и вся, и везде развалилось!
Разъярилось ворьё и хамьё.
Половина страны разорилась.
Не забыла ты сердце моё.

Потому что – какие тут споры –
звездопевной вселенной звеня,
не для этой вот бешеной своры
ты плескала мне в сердце огня.

Казино, кабаре и канканы
с золотым отупелым тельцом –
гибнет всё!
Но стоят истуканы
с понимающим вечность лицом.

Говорю, что под стать истуканам,
обернувшись лицом на зарю,
я встаю и стою со стаканом,
в честь тебя я стою, говорю.

Воскреплюсь этой яростной крепью,
восхваляю этот пламенный яд
и над скифской недрёманной степью
устремлю крепкокаменный взгляд.

Применяясь к шакальему вою,
я во мраке кляню этот вой:
я по пояс уже под травой.
Но по пояс ещё над травой.

Свищет ветер в степи, как тетивка.
Ковыли!
Облака как столпы.
Муза, муза, степнянка и скифка,
отняла ты меня от толпы –

подняла над толпой – истукана,
и толпы истукан не тупей.
Муза, пью за тебя из стакана
всю ковыльную горечь степей.

11 марта 1995, 2008 гг.

САМОСОЖЖЕНЦЫ

Наивные!
Сгорая с потрохами,
надеются добиться правоты!

Я тыщу раз
сжигал себя
стихами.
Но мир
плевал на это с высоты.

Живой вопящий факел – Блок, Есенин,
Ахматова, Высоцкий, Пастернак.
Но толпы их забыли среди веселий,
предпочитая нал и master card.

Они алкают не духовной жажды,
на золоте едят, смердят на нём.
Как спичкой,
рифмой
чиркну я однажды,
осатанев.
Гори оно огнём!

И, может быть, случайная гражданка,
одна крестясь на огненный мой Спас,
прошепчет в полушоке: «Ах как жалко!»
Но это всё не переменит нас.

11 апреля 2004 г.

* * *

Мои ночные поединки
с бумагой белой и пером!

Как под водой, в рассветной дымке
поля и ветлы за селом.

Я вышел в поле для разминки.
И даль со мной одних кровей –
как будто в технике размывки
исполненная акварель.

Какое ровное сиянье
от солнца в поле и в груди,
какое кровное слиянье
судьбы и дали впереди!

Я ночью был взрывоопасен,
я мыслью мучился взрывной.
Теперь я вечен и прекрасен,
как эта даль передо мной.

Как эта пыльная дорога,
как гиль враждующих идей,
где всё прекрасное – от Бога,
а остальное – от людей.

1988 г.

*Мир меня ловил и не поймал.
Эпитафия на могиле
Григория Сковороды*

Ящерка, сама себя спасая,
хвост отдаст и юркнет меж камней.
Сколько раз, из пепла воскресая,
я и сам уподоблялся ей!

Есть такой закон на свете белом:
если срок приходит выбирать –
частностью пожертвовать, но в целом
главного в себе не потерять.

Оставлял я алчущему миру
(он, как хищный зверь, меня стерёг)
всё, во что он впился.
Только лиру
не отдал
и душу уберёг.

31 марта 2007 г.

РЕТРОСТИХИ

Порой я полон был азарта,
куда-то мчал, не чуя ног.
Порой откладывал на завтра
то, что сегодня сделать мог.

Бурлила радость как эпоха.
Порой валила с ног тоска.
Не брал я что лежало плохо,
не рвал у ближнего куска.

Я падал, больно ушибался.
Глушил я боль свою вином.
Порой во многом ошибался –
не ошибался я в одном:

от роскоши развратом веет.
Творец нас ею наказал.
Богат не тот, кто всё имеет,
а тот, кто лишнего не взял.

Умри, людская злость и псовость!
И пусть восторжествуют вновь
вода и хлеб, и соль, и совесть.
«И жизнь, и слёзы, и любовь».

6 мая 1982, 2011 гг.

МОЯ ХАРИЗМА

*Был честный фермер мой отец,
Роберт Бернс*

Апологет социализма,
когда царит капитализм,
я жив, со мной моя харизма –
харизмейшая из харизм.

Моя харизма трудовая
(к иным я стойко глух и слеп),
весь век покоя не давая,
велит мне вкалывать за хлеб.

Отец мой жизнь прожил с зарплаты
и не нажил себе палат.
И ненавистны мне палаты,
поставленные не с зарплат.

Ладонь жеманьте на зевоте,
до фонаря вам мой пример,
но я в три смены на заводе
пахал в родном СССР.

Когда мы были молодые,
в цехах, в горниле мастерства,
ценились руки трудовые
и золотая голова.

Я был кормилец и поилец
семьи во имя всех святых.
Жаль, нет теперь таких горнилец
для всяких новых и крутых.

Им не понять, рвачам и жмотам,
друг друга жрущим поедом,
как сладок хлеб, политый потом,
добытый праведным трудом.

При них мне всё теперь обрыдло,
и сожаления гнетут,
что дикорыночное быдло
похоронило честный труд.

Что все стяжаньем напитались
повальным, как девятый вал,
что криминальный капиталец
теперь нередко правит бал.

По яхтам и по иномаркам
те, к чьим рукам он вдруг прилип.
Мнит президентом и монархом
себя бандюк, засевший в джип.

Теперь все знают, что с товара
им можно жирный снять навар.
Сама валюта для навара
годится всюду как товар.

В остолбенении присвистни:
юнец безусый у «порша».
В чём смысл его дальнейшей жизни?
Сейчас всё есть у мальчиша.

Голодного не разумеет
зелёный сытый ловелас.
Ещё не жил, а всё имеет
в отличие от многих нас.

Я, не убогий, не калека
и тёртый в общем-то калач,
встал крепко на ноги в полвека.
А этот сызмала богач.

Быть может, мама или папа
его снабдили всем сполна,
а волосатая их лапа
простому взгляду не видна.

Они менялы и кидалы.
Как чаша полная, их дом.
Но их большие капиталы
неправым добыты путём.

Да через два-три поколения
у нас, как всюду, в свой черёд
отцов и дедов преступленья
забудутся. А деньги - в ход!

Ужо им, нуворишам местным!
Я не втесался в их игру,
остался бедным я, но честным,
и этим греюсь на миру.

Густой слюной и укоризной
пусть мне с презреньем брызжут вслед –
я остаюсь с моей харизмой.
Другой ведь не было и нет.

14 сентября 2011 г.

АМФИБРАХИЙ

Такая пора: мудреца от болвана
навряд ли теперь кто-нибудь отличит.
Есть в каждом лишь музыка личного плана,
а общая музыка в нас не звучит.

Крутые беруши заклёпаны в уши,
всё глуше снаружи реалии дня.
Никто не спасает заблудшие души,
и это весьма удручает меня.

Мы плюнули дружно в наш общий колодец.
Ушли и сожгли за собою мосты.
И нам обособленность и узколобость
дороже душевной былой широты.

И там, где царили надежда и вера,
царит безнадежье, безверье царит.
Сознанием дремучая правит пещера.
И всё позабыто, и всяк позабыт.

Шаманы,
дурманы,
воскресшие йети.
И камень бросаю я в наш огород:
мобильные сети,
дебильные дети,
повальный разброд
и кабальный народ.

Олег воеводствовал благополучно.
Но нет ничего ни глупей, ни тупей
кичиться, дичиться нам лишь потому, что
я из лесу вышел, а вы - из степей.

Да скроется скверный пещерный маразм,
да выйдем мы к свету из нынешней тьмы,
да здравствуют разом и сердце, и разум,
да здравствуют Пушкин, Некрасов и мы!

11 января 2011 г.

ПАУТИНКА

Непогода поутихла.
И, летя наискосок,
радужная паутинка
прилепилась на висок.

Тянет в небо паутинка:
полетим-ка, полетим-ка!

Волосок высоких радуг,
мне тебя не надо на дух.
Я тяжёлый пустячок,
не взлечу, как паучок.

Я иду себе ладком,
воспарить веду попытки,
паутинным проводком
в высь включившись для подпитки.

В синях просверк паутин.
Полетим?

наверно небеса перепортичили
душа и тела в телепортации

Много у судьбы болот.
Но кончаются болота.
Важно верить в свой полёт,
даже если нет полёта.

17 июня 2010 г.

ГРОЗА

Сел на камень, ноги свесил в речку.
Вижу: разгорается гроза
и швыряет в огненную печку
молнии,
 слепящие глаза.

Резкий
 беглый
 гром
 трещит
 дуплетом.

Вижу: тучи чёрного полны,
и в реке блестят тревожным светом
влажные литые валуны.

Воздух полон мрака и удушья.
И сквозь ливень хлынувший
в меня
хлещут электрические ружья
залпами и ветками огня.

1 мая 2005 г.

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ

Подозрительны мне да и странны
кто стабилен в стабильном краю.
Не люблю я стабильные страны.
Нестабильную дайте мою!

Дайте ненависть, любвеобильность.
Камнем в пропасть и в небо орлом.
У кого постоянно стабильность,
у того и дебилность при нём.

Без глупца был бы мир наш бессилён
разглядеть и семь пядей во лбу.
Я живой. Потому нестабилен.
А стабилен лишь мёртвый в гробу.

26 июня 2009 г.

Моей Лебединовке

С керосинкой посередке,
серым хлебом на столе,
на картошке и селёдке
зимовали мы в селе.

За окном снега лежали.
Печка веяла теплом.
Каждый вечер в совдержаве
мы сходились за столом.

Мой отец служил в конторе,
мать - в раймаге продавцом.
Домик наш на косогоре
гармонировал с сельцом.

С чистым садом, палисадом,
весь саманный новый дом,
крепок бытом и укладом,
сельским каторжным трудом.

После всех квартирсъёмок
свои стены не тесны.
Погреб был глубок и ёмок
с провиантом до весны.

Провиант - картошка с луком
да капуста, да свекла.
Муж, жена да бабка с внуком –
это мы среди села.

Мы с простым пайком продуктов
тосковали по мяску.
Чёрный круглый репродуктор
нам транслировал Москву.

Со стены трещал, холера,
чтобы знали в свой черёд:
по стране другая эра
после Сталина идёт.

Раскулаченные предки
и подумать не могли,
что, пройдя войну, их детки
обживутся, как наседки,
станут двигать пятилетки
как хозяйева земли.

В пику западным угрозам
заимеют вдруг они
по колхозам и совхозам
грошевые трудодни.

Не заморские мы принцы.
По труду нам всем и честь.

Бытовал в семье свой принцип:
обходиться тем что есть.

Электричество с картинки
нам светило вырезной.
Керогазы, керосинки,
туфли белой парусинки
в сельский клуб на выходной.

В палисаднике колодец
трёхметровой глубины.
Небогато жил народец
на селе после войны.

После всех репрессий, «вышек»,
в пору стылую ладком,
если не было дровишек,
отоплялся кизяком.

Пахло тёплой штукатуркой
от нагревшейся печи.
Я в кровать мостился с Муркой,
с ней теплей зимой в ночи.

Кошки, куры и собаки
в относительном тепле
вместе с нами, как в бараке,
зимовали на земле.

Жили мы и не тужили.
Керосинку зря не жгли.
Сбережений не нажили,
но себя уберегли.

Деньги в доме не водились.
Хоть и были мы бедны,
мы другим тогда гордились –
мощью крепнущей страны.

Вера нас тогда держала
на плаву из часа в час,
что могучая держава
мудро думает о нас.

Что село не позабыто,
что получим мы и снедь,
и другие блага быта –
надо только потерпеть.

Вера силу нам давала.
Разорённая войной,
из руин страна вставала.
Мы вставали со страной.

Позади война и травля.
Впереди, как свет в окне,
историческая правда:
мы нужны своей стране.

И когда теперь достаток,
свет в квартире и тепло,
той поры былой осадок
вспоминается светло.

Поклоненье керогазу
и шипенью примусов.

Вместе с сумерками сразу
запирались на засов.

Занавески на окошке
встык сдвигали. И бочком
подвигались мы к картошке
и селёдочке с лучком.

Вечер. Глушь. Провинциальность.
Полутьма и тьма в домах.

Вера и принципиальность.
Неба звёздного размах.

11 ноября 2010 г.

МЕТАМОРФОЗЫ

Сельская элегия –
шпарю на телеге я.

А когда на «мерсе» я –
городская версия.

19 февраля 2000 г.

ГРЁЗЫ БЕЗ УГРОЗЫ

нежная она такая персиковая
вот бы взял за перси кого я

22 января 2009 г.

ИНТИМ

Демонстративны силиконы
из безразмерных декольте.
И толпы пагубно влекомы
к бесстыдной этой наготе.

А, собственно, откуда знать им,
что я пленён совсем иным –
когда объёмы скрыты платьем,
угадываясь вдруг под ним.

Я помню бунинские строчки
в наскоке рыночных идей:
«А под сорочкою - две точки
стоячих девичьих грудей».

Быть может, я впадаю в ересь,
но есть в ней доля лепоты:
задрапированная прелесть
волнует больше наготы.

Безумия не остановишь
в слепом разгуле естества.
И бюстом Ани Семенович
ночами грезит пацанва.

Держаться б нам устоев древних!
А мы интимного хотим.
Когда-то вырос я в деревне.
Там девки прятали интим.

10 июля 2008, 2011 г.

МУРАВЕЙ

Лист плывёт – упал в бассейн,
когда дунул суховей.
По нему, семьёй посеян,
пробегают муравей.
Муравей – formica rufa –
по-латыни, вспомнил я.
Обыскалась, видно, друга
муравьиная семья.
Суетится, бедолага,
ткнувшись в мокрый край листка.
А вокруг большая влага
широка и глубока.
Хорошо хоть чужд он мистик
и не может знать того,
что остался только листик
в этой жизни у него.
Я, жилец малоизвестный,
homo sapiens простой
тоже тшусь пред чёрной бездной,
перед вечной пустотой.

16 сентября 2008, 2011 гг.

ПОДСНЕЖНИКИ

Они за мной из-под снега подслеживали,
сами, как снег, холодны и чисты.
Я тебе в город принёс подснежники –
лицом в их свежесть уткнулась ты!

Во мне не осталось былой угрюмости.
Меж сердцами сомкнула мост
весна в зелёной прозрачной рюмочке
с жёлтыми рыльцами белых звёзд.

Вечное средь суеты и поспешности –
тихие маленькие подснежники.

6 апреля 2011 г.

Помню: сияет, как зеркало, сталь
узкоколейки среди спелого хлеба.
Рельсы и шпалы пришпорены в даль
как перспектива лестницы в небо.

Я по железной дороге иду.
Синее небо глотаю запоем.
И облаков кучевую грядку
белую-белую вижу за полем.

Солнце по рельсам искрит впереди.
Шпала за шпалой – ступени под ноги.
И от простора просторно в груди
на небоструйной железной дороге.

25 июня 2009, 2011 гг.

КУКУШКА

Я шёл по шпалам. Куковала
кукушка в рощице густой.
Даль мне просторы открывала,
распахиваясь высотой.

Вдоль полотна цвела сурепка,
сзывая знойной желтизной
жужжащих пчёл. И пахло крепко
цветочным мёдом и весной.

Невдалеке косцы косили.
Даль была в сердце, глубока.
На горизонте в яркой сини,
как снег, блистали облака.

Бока им солнце освещало.
Они стояли как гряда.
И мне кукушка обещала
такие долгие года.

20 мая 2005 г.

У судьбы очень редки подарки.
Поутру в декабре городском
заштрихованы тёмные парки
налетающим колким снежком.

Резкий ветер морозен и звонок.
Сыплет снег на деревья во сне.
Позабудься на миг, как ребёнок,
и поддайся его белизне.

Скрасив зимнюю спячку и вялость,
озарит тебя тайно от всех:
жизнь твоя на земле состоялась
откровенно и чисто, как снег.

Сыплет в сумраке белая крупка
на людской и машинный поток.
А в душе твоей нежно и хрупко
угревается зябкий росток.

29 марта 1983, 2011 гг.

ОПАЛА

Я был в тени тогда,
в опале.

Опала
студит пылкий лоб.
И если вы в неё попали,
под вас копается подкоп.

Мир, измельчавший, как клоповник,
меня преследовал во сне.
Одетый в штатское полковник
входил в доверие ко мне.

А у меня жена и дочка –
мой неразменный капитал.
И взять меня, как голубочка,
полковник –
тёпленьким –
мечтал.

«Не бойтесь, вам никто не страшен.
В известность ставьте, кто о чем
меж вас толкует, будьте нашим...»
Я огрызнулся: «Стукачом?».

Полковника перекосило
(мой выпад точен был и быстр),
но он очухался красиво –
как крепкий опытный службист.

Меня
оставил он
в опале,
как червя жалкого в пыли.
Но под меня как ни копали,
а докопаться не могли.

Я долго был ещё опален.
Но оттого не обречён,
что кто-то тоже – честный парень –
не оказался стукачом.

27 февраля 1989 г.

БЕТОН

Бетон – стонный, монотонный,
давящий душу, как питон.
Я весь, как железобетонный,
в печёнки плотно влит бетон.

Сбив кепку к самому затылку,
я в перекур, под птичий свист,
с водицей подымал бутылку
к сухим губам – как горн горнист.

Я пил,
и было мало,
мало,
я жаждал нового глотка
и в небеса глядел устало,
и видел высь и облака.

И снова шёл бетон – до боли
в затылке,
в области виска.
Воспоминанием о воле
мне были высь и облака.

Мне боль ломала поясницу
и пот глаза мне забивал.
Но неба синего частицу
как волю я не забывал.

1997 г.

Лишь слегка отвернулся кузнечик
от моей многотонной ступни.
Житель трав по излучинам речек –
раздавить его Бог сохрани!

Я левее ступил, где осока,
состраданием к миру храним.
Ведь ступня неотступного рока
надо мной нависает самим.

В этом космосе эр и созвездий
всякой твари фатально равны
мы живём ощущеньем возмездий,
мы живём отпушеньем вины.

Может, тот, кто вселенными правит,
кто начала приводит в исход,
и меня сохранит, не раздавит,
пощадит и не пустит в расход.

23 августа 1988, 2011 гг.

Пленительно плетение из лент!
Ты эти рукотворные шедевры
плела и успокаивала нервы,
когда им спуску нет ни на момент.

Когда бушует масскультурный вал,
как хороши подсолнухи Ван Гога!
В них много есть от Солнца и от Бога.
Ван Гог их для тебя нарисовал.

Божественно в тебе желанье плесть
подсолнухи средь рыночного мрака,
когда не знает ни одна собака
что́ будем мы назавтра пить и есть.

Когда вокруг все хапают и рвут
под чёрной сенью крыльев Азраила,
подсолнухи твои в тебе живут.
Ты им себя до капли раздарила.

Сквозь серость будней, беспросвета полных,
не то чтобы во сне, а наяву
твоё мне сердце светит, как подсолнух.
И я надеюсь, верю и живу.

20 декабря 2009 г.

Близко к аду или раю,
где сквозняк задул свечу,
я, конечно, много знаю,
но о многом умолчу.

В пику тем, кто без умолку
бает без креста во лбу,
обожаю недомолвку –
тайну, прочерк, темь, табу.

Несказанная Расея
вдруг сказала чересчур
у Кручёных Алексея –
дыр
бул
щыл
и Убещур!

16 апреля 2009 г.

ИВЫ

Пришел я к проливным плакучим ивам –
к их двум холмам в косицах на лугу.
«Я не могу всё время жить с надрывом!
Тужить, как над обрывом не могу!»

Мне дали тень в узорах листьев – ивы,
сквозь их шатёр светила синью высь.
И отступили все мои обрывы
и все мои надрывы посрослись.

Плакучим ивам впрок пошла плакучень
моей живой приникшей к ним души.
Они мою былую злую участь
в себя вобрали в луговой тиши.

Я жаворонка слушал переливы,
объятый единеньем бытия,
в котором заодно сплотились ивы,
а может, Бог, а может быть, и я.

8 января 2006 г.

*Я гимны прежние пою.
А. Пушкин*

Когда я слышу гимн России
(вернее, гимн СССР,
который власти воскресили,
подправив текст на свой манер),

встаю и жгучих слёз не прячу.
Я оттого судьбою сер,
что ничего уже не значу
как гражданин СССР.

В России новые мессии.
Но помню я, судьбой гоним,
что гимн, звучащий по России,
когда-то был ведь и моим.

За рубежом российский этнос.
А здесь, в смешенье рас и вер,
мы вроде есть и вроде нет нас.
Но есть в нас гимн СССР.

Могуч, но отдыхает Глинка.
Его классический мотив
не сдюжил с гимном поединка.
Святому нет альтернатив.

Пой, пой, Россия дорогая,
свой гимн, помноженный на наш.
Пусть я не тот и ты другая.
А только музыка всё та ж!

1 мая 2008 г.

Россия, Русь! Всё ярче мне твой свет.
И строчка евтушенковская в силе:
«Поэт в России - больше, чем поэт».
А вне России - больше, чем в России.

Поэт в России - полубожество,
и мнит себя пророком и провидцем,
и не подозревает, каково
любовь свою хранить в глуши провинций.

Поэт в России - он и гражданин
своей страны, и он в мессии метит.
Но из широких рыночных штангин
достать российский паспорт мне не светит.

Пришла пора - границы провели
и никого, конечно, не спросили.
Но сколько нас, оставшихся вдали,
оставили сердца свои в России!

Легко любить, когда любовь с тобой –
когда с тобой твои страна и люди.
И эту небом данную любовь
поэт российский нам несёт на блюде.

Поэт в России - свой в своём краю.
И вот уже похож он на мессию,
и миссию осознаёт свою.
А я издалека люблю Россию.

Соединяю Запад и Восток.
И в этом вижу миссию мессии.
И каждый день, как воздуха глоток,
ловлю с экрана вести из России.

Сгождается России в сыновья
не каждый, кто по метрикам российский.
И кое в ком там бродит дух расистский.
Не без уroda русская семья.

Советскую державу извели.
Но Русью продолжаю я гордиться.
А чтоб любить шестую часть Земли,
на ней необязательно родиться.

И я благодарю звезду свою,
где б ни носило, русским быть поэтом.
И пусть в гражданстве я не состою
российском - суть сердечная не в этом.

Суть в том, что я ведь русский человек.
Со мной мой Пушкин, Блок, Сергей Есенин.
И от судьбы России я вовек
ни при каких границах не отсеян.

«Поэт в России - больше, чем поэт».
Но в Азии существенней нагрузки:
по-русски я пишу, дышу по-русски,
хотя меня в России нынче нет.

Пусть сожжены все прежние мосты,
я веры в Русь, как прежде, не теряю.
В трёх тыщах километров от Москвы
я по Москве судьбу свою сверяю.

С разлукой роковой накоротке
ясней поймёшь что истинно, что ложно.
Любить Россию сложно вдалеке.
Но не любить Россию невозможно.

Хоть русское и разлетелось вдрызг
под натиском азийского соседства,
я здесь хранитель русского наследства.
А в Азии быть русским - это риск.

Моей любви к России не остудит
ни век, ни дикорыночная новь.
Меня не будет, а Россия - будет,
но меньше на одну мою любовь.

29 декабря 2010 г.

Край Ала-Тоо солнцем осиянен.
Живи тут век, но сердцем не криви:
ты здесь не суверенный россиянин,
а россиянин по своей крови.

Вдали эпоха показушных маршей
в парадном треске...
В гуще бытия
мой брат кыргыз
не младший и не старший,
а просто брат, такой же брат, как я.

Мы братья без шатаний и разброда.
Живём, завет родительский храня:
суть братства не в количестве народа,
а в чистоте сердечного огня.

Давно менталитет у нас не узкий,
мы в суверенитете новых дней
богаты тем, что он кыргыз, я русский,
что горец он, а я дитя полей.

Из будней, а не из литературы,
хотя и с нею дружим мы в тиши,
он знает широту моей природы,
я знаю высоту его души.

Люблю Рамиса и люблю Баяна.
Взаимностью мне платят и они.
Сквозь дебри постсоветского дурмана
вошли мы в дикорыночные дни.

Мы не дождались манны коммунизма.
Но среди гор не только мы втроём
как жили в совстране без шовинизма
одной семьёй, так и теперь живём.

Когда мне рынок сыплет соль на рану,
когда судьбой бываю клят и мят,
звоню Рамису и звоню Баяну.
Когда им трудно, мне они звонят.

Спасибо вековому компромиссу –
как предки наши, мы родней родни.
Дай Бог Баяну, и дай Бог Рамису.
А за меня попросят пусть они.

Друзья мои! По высшей доброй воле
срослись, разъединиться не спеша,
моя душа, широкая, как поле,
и снежных гор высокая душа.

Простор российский в кровь вошёл с веками.
Но здесь мы люди гор, а не равнин,
и сам теперь со снежными висками
я больше азиат, чем славянин.

В какой чужой дали ни колеси я,
тоскую по заоблачным местам,
где с нами зарубежная Россия,
со мной мой отчий дом, мой Кыргызстан!

9 мая 2009 г.

*Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб.
Игорь Северянин*

Моя страна оплёванной осталась.
Но живы в сердце – мне от них светло –
её полотниц солнечная алость,
её людей сердечное тепло.

Она меня как сына воспитала,
поставила на крепкие крыла.
Но новые хлюсты от капитала
мою страну разграбили дотла.

Прибрали всё, что нашим было прежде,
вражду и злобу в душах воскресив.
Они меня спихнули в зарубежье,
меня об этом даже не спросив.

На жгучие вопросы нет ответов.
Но всё ж Россия-мать себе верна:
изгоев по судьбе – своих поэтов
лишь мёртвых принимает вновь она.

У этих новых новые уставы.
А к той моей стране не сыщешь троп.
И мне через кордоны и заставы
моя страна не бросит розы в гроб.

1 октября 2005, 2011 гг.

*Быть знаменитым некрасиво.
Борис Пастернак*

Красиво быть незнаменитым,
забытым и судьбою битым.
Я счастлив – я не знаменит!
И слава вслед не семенит.

Незнаменитым быть приятно.
Под локоть не берут приватно
и панибратски на пиру
не приближают ко двору.

Незнаменитым быть красиво.
В моей глуши стоит крапива,
разлапистые лопухи
так лопухи и тихи!

Стихи мои не знамениты,
но крепко сбиты. И сумей
хотя бы слово замени ты
вот в этой же строфе моей.

Незнаменитым быть – отрада.
Судьба моя – моя награда.
Другим ничем не знаменит.
Звезда моя меня хранит.

Комедия почти финита.
Трагедия в канве судеб.
Жизнь вообще не знаменита.
Как летний дождь. Как честный хлеб.

5 ноября 2006 г.

Важно, чтоб в канве стихотворений
не кончался космос и полёт.
Ранний Маяковский - это гений.
Поздний Маяковский - стихоплёт.

А Есенин, как я понимаю,
поздним стихоплётством не страдал.
Потому ни октябрю, ни маю
своей милой лиры не отдал.

На поверку ясно всё и просто,
как ни сложен творческий твой век.
Или ты халтуришь в «Окнах» РОСТА,
или пишешь «Чёрный человек».

Но чтоб я с запалом знатоковским
смог сказать такие вот слова,
стал один поэтом Маяковским,
а другой Есениным сперва.

3 декабря 2008 г.

Наши шубы ладно сшиты.
В мире снежная пора.
А у птицы нет защиты
кроме пуха и пера.

Только высуну в фрамугу
горсть, набитую зерном –
подлетают через вьюгу
на кормёжку за окном.

Ряд сосулук, как из плекса!

Не стесняются почти
откровенного рефлекса
на зерно в моей горсти –
зёрна им, пичугам, любы!
За стеклом передо мной,
как капель, колотят клювы
в подоконник ледяной.

Ешьте, милые пичуги.
Пусть приснится вам потом
некто я в пару фрамуги
с горстью, полною зерном.

1988 г.

Витинаю

Я весну наблюдаю с природы
и весну соблюдаю в душе.
После линьки змеиные шкуры
шелестят на сухом камыше.

О весне тосковал я в разлуке.
Как же сладок пьянящий гудёж,
если даже ужи и гадюки
поспешили из собственных кож.

Столько силы в эпическом ветре,
столько нови в зелёном краю,
что и я нынче скинул на ветви
отслужившую душу свою.

1988, 2007 гг.

*Садись, мой миленький, в автобус
И с населеньем поезжай.*

Михаил Светлов. 1957 г.

Боль мозжит в висок, не утихая.
Потрясения в памяти свежи.
Аура в автобусе плохая –
старики, старухи да бомжи.

В шокотерапии и разрухе
уцелели рынку вопреки
эти смертеликие старухи,
эти чуть живые старики.

Словно из Иеронима Босха,
с фантасмагорических картин
эти лица мертвеннее воска,
тусклый снег нечёсанных седин.

Оценив такую обстановку
в тряском громяющем гробу,
я, едва проехав остановку,
обречённо к выходу гребу.

Культ антинародных заварушек
множит нашу горечь и печаль.
Жаль мне стариков и жаль старушек,
и себя стареющего жаль.

Кто боролся, устали не зная,
с населеньем, мыкающим век?
Широка страна моя родная.
Много в ней чем гнусен человек.

8 октября 2006 г.

СЕЛЬСКИЕ ПОТЁМКИ

Те времена давно уж миновали,
когда в объятых крепнущей страны
мы днём пахали,
ночью крепко спали.
И оставались, в сущности, равны.

Шашлычные, кафе, автозаправки,
развратно-яркий свет ночных комков
здесь, где когда-то бегал я по травке
и воду пил из чистых родников.

В комках табак и пойло для народа.
Ночная жизнь в деревне расцвела.
И я с нутром морального урода
купил вина и вмазал из горла.

О, сельский люд! От бед изнемогая,
впрягаешься ты в мутные дела.
И по ночам бутылочка-другая
тебе, глядишь, от стресса помогла.

И вот, глядишь, смеёшься ты до колик,
опустошив свой нищенский карман.
И вот уже, глядишь, ты алкоголик.
И вот уже, глядишь, ты наркоман.

...Погост сровняли
с истечением срока
захоронений.
Стройку здесь ведут.
И принесла мне на хвосте сорока,
что черепа под ковш попали тут,
когда траншеи мощные копали
под основанья новых теремов.

И столько всюду злости и печали,
что напиши хоть тысячу томов
на тему небреженья к праху предков –
не вздрогнет ни единая душа,
пока в помойках в поисках объедков
копаются бомжата-кореша –
мальчишки беспризорные – потомки
районных наркоманов-алкашей.

Вот почему
всё дальше прочь
в потёмки
я из села гоню себя взашей.

Ведь не забыть,
как бегал я по травке,
пил воду здесь из чистых родников.

Угар шашлычен.
Вонь автозаправки.

А дым Отечества был вовсе не таков.

30 декабря 1995 г.

Заповедь хвалёная
есть на все лады:
ты ведь ел солёное,
так попей воды.

Но придётся с зорькою
о былом тужить –
горькой горечь горькую
кинешься крушить.

В домике со ставнями
жил ты молодым
днями стародавними.
Так напейся в дым!

Тут и выявляется
в поздние года:
жажда - утоляется.
Горечь - никогда.

4 ноября 2010 г.

Валерию Жернакову

На сене, на клевере свянувшем,
улав от путей и потерь,
я полон минувшим и канувшим,
нетленным лишь в сердце теперь.

Мне детство моё вспоминается.
Лечу на свидание с ним.
А сено упруго сминается
под телом огузлым моим.

Дыплю подвернувшимся «Севером».
К стихам подбираю слова.
И пахнет увянувшим клевером.
И кругом идет голова.

Мне с запахом клеверапряного
сквозь горький дымок папирос
вся жизнь вспоминается наново.
Я вновь босоног и курнос.

Себя в эти дали я выволок,
и снова, как в детстве, со мной
и флейты жалейные иволог,
и хруст этот грустный сенной.

И в ветре, и в лиственном лепете
печали ещё ни одной.
И годы мои, словно лебеди,
летят и летят стороной.

1988, 2007гг.

РИСК

Стихотворение – поверхность
морская,
а под ней должна
вдруг неизведанным
повергнуть
поэзия как глубина.

Ревут шторма и стонут судна
вдали!
Их стережёт одна,
катастрофически подспудна,
вся
мировая
глубина.

Нетленна мысль,
бесценно слово,
когда их полнят по края
вся трагедийная основа
и риск
земного бытия.

Стихи стихиями любимы.
Стихией жив и сам поэт.
Там, где берут его глубины,
на зыбях памятников нет.

Поэзия
пустяк –
без риска.

Разверзни
верхнюю
волну!

И знай:
не будет обелиска
там,
где ушёл ты
в глубину.

1988, 2011 гг.

Лихим порывом непогоды
нагрянув среди бела дня,
шумели беды и невзгоды,
мне душу застя и темня.

И вот затишью сердце радо –
как краткий сон, оно легко.
В душе, как после снегопада,
светло и видно далеко.

22 февраля 1982 г.

ИМЯ

Рождён –
а где ж моя рубашка?
Ещё до счастья путь далёк...

Зовут меня соседи – Сашка,
друзья – Никита и Санёк.

И я гордыню, как скафандр,
срываю
и схожу с орбит,
где Никитенко Александр –
поэт – работает, горит.

13 марта 1987 г.

Деревья в инее. Их белоснежные свечи
врезаны изразцово в ультрамариновый небосвод.
Я выхожу из прозрачной калейдоскопной речки,
ставлю ступни босые на изумрудный прибрежный лёд.

Морозное солнце заигрывает с летучим радужным паром,
подобно облаку, окутывающим меня.
А всё моё тело полыхает свежим пожаром
и обретает румянец языческого огня.

Я в январе обожаю обжигающее купание.
Кровь горит на морозе! И я опять молодой.
Всякие там хандра и самокопание
унесены ледниковой водой.

Рафинадными гранями сверкают на солнце горы.
Там начинается речка, подарившая мне новизну.
Искромётной свежести полны замороженные просторы,
белыми откровениями впаанные в ослепительную голубизну.

14 января 2007 г.

Солнца радужные спицы
меж сосновых лап в снегу.
С веток вспархивают птицы,
сыплют блёстками пургу.

Тени синие от сосен,
воздух звонок и морозен.
Снег сияет и слепит,
симфонически скрипит.

Ослепительной расцветки
промороженная синь.
И снегирь на снежной ветке
красной грудкой греет стынь.

Зимний сон лучист и светел.
Мимоходом за селом
эти краски я заметил
и согрел своим теплом.

8 ноября 2008 г.

ЛУНА

До оскомины это знакомо:
летний вечер,
в саду тишина.
И над кровлей соседнего дома
вновь огромная встала
Луна.

Знаю, лишь догорит сигарета,
и, как много столетий назад,
неземного холодного света
станет полон таинственный сад.

Снова зарево плещет на ветки,
и отчётливо видится мне
даже марка моей сигаретки
в бледных пальцах при полной Луне.

И опять она знает, собака,
что душою я к ней полечу,
как летят из кромешного мрака
мотыльки на ночную свечу.

12 сентября 2000, 2011 гг.

Тихо так в мире, что кажется: умер ты.
Ультрамарином пробита листва.
Но неизбежно сгущаются сумерки
и насыщаются мглой естества.

Запомянай,
ничего не записывай,
не зарисовывай контуром строк
гаснущих сумерек сок барбарисовый,
летнего вечера вечный урок.

Красок не хватит
и слов не накопится
запечатлеть, как при ранней звезде
берегом речки тропинка торопится,
как дотлевают закат на воде.

Как эти выси
и дали,
и отзвуки,
и камыши,
и сквозной водоём
не растворяются в гаснущем воздухе,
а сохраняются
в сердце твоём.

Ибо и ты
сохранишься,
останешься
в шелесте ветра среди камыша

после того как другое пристанище
в вечности где-то
отыщет
душа.

Это ведь только казалось в беспечности:
с вечностью слиться –
пустые мечты.

А оказалось –
ты плоть этой вечности.

Ты есть она
и она –
это ты.

6 августа 2005 г.

СНЕЖНЫЙ МИГ

Снега хлёсткая извёстка
белит землю с высоты.
Много света, много лоска,
лепоты и чистоты.

Да и сам ты среди бега
и забот своих простых
чем-то чистым вроде снега
полон в этот снежный миг.

Чем-то вроде детских святок
и колядок, и утех.
Тем, что выпало в осадок
и растаяло, как снег.

15 января 2009 г.

Когда созвездья блещут в небосводе,
я признаюсь при мертвенном огне:
гармония присутствует в природе
лишь если есть гармония во мне.

А так – он дик, дремуч и своенравен,
косматый космос, косный и слепой.
Он сам в себе. Он ничему не равен.
И правит нами и самим собой.

И в том как бездна звездная повисла
и как в своей несметности царит,
ни разума, ни тайны нет, ни смысла,
пока с ней сердце не заговорит.

Когда один выходишь на дорогу
в безмерную мерцающую тьму,
тебе пустыня внемлет, словно Богу,
разверзнутая всем и никому.

18 апреля 2009,2011 гг.

Проходят надо мною облака –
причудливой фантазии примеры –
неспешно и несметно, как века
минувшие, как будущие эры,
плывут куда-то вдаль издалека.

Уносит их воздушная река
и плещет им в пушистые бока,
и синева речная глубока
и широка. И нет ей равной меры,
как нет её у совести и веры.

И я лежу, гляжу на облака,
под головой – затекшая рука,
но двигаться не хочется, пока
душа летит в заоблачные сферы
и пронизает дали и века,
где вместе астронавты и шумеры.

Душа всегда к бессмертию близка!
И если бы не едкий запах серы,
не присное присутствие химеры
рогатой, как козлы, - наверняка
она бы, как века и облака,
была всегда, их переняв размеры.

1988, 2007 гг.

КАРАВЕЛЛА

Тучи дождиком набухли.
В суверенный бранный век
сядем, выкурим на кухне
по сигарке Captain Black.

Captain Black с вишнёвым вкусом –
аромата полон дом.
Жизнь идёт привычным курсом
и обычным чередом.

Вечер с «Чёрным капитаном».
За окном полутемно.
По заморским знойным странам
отгрустили мы давно.

Каравеллы и пираты –
только дым пустой и тлен.
Домовитые палаты
нас коварно взяли в плен.

Ни Кортеса и ни Кука
в нас, ни звука тех эпох.
Скука, скука, скука, скука.
Штиль. И парус наш заглох.

Видно, зря курю и парюсь:
не открыть больших миров,
если в сердце рваный парус
вместо полного ветров.

Или мною ты забыта,
или я тобой забыт
и любовная разбита
лодка о семейный быт?

Ты да я теперь мещане.
Курим. Смотрим в темноту,
за делами и вещами
позабыв свою мечту.

В ней по сини океана
в беге ветреной волны
каравелла Магеллана
заходила в наши сны.

Для меня для кавалера
зажигала ты глаза,
и любовь, как каравелла,
подымала паруса.

Ты царила, королева,
как девятый бурный вал.
Ты давно закоровела.
Я давно забыковал.

15 августа 2009 г.

Разукрасила осень серые кубики микрорайона
жёлтым, бурым, оранжевым и карминным огнём.
И опять прилетела знакомая мне ворона,
бесподобно курлыкающая журавлём.

Из далёких краёв, где привольно таким же воронам,
каждый год прилетает она, я за это её и люблю,
открывает свой клюв и как бы с лёгким полупоклоном
подражает, чертовка, курлыкающему журавлю.

Странно, странно всё это. Всякий раз отгоревшее лето
вспоминаю я вдруг, лишь заслышу её во дворе.
Нет давно журавлей, но средь позднеосеннего света
журавлиная грусть в моём сердце живёт в ноябре.

А особо когда зима снегами всю сгустится,
я согреваюсь мыслью, что удачно год миновал,
и что есть у меня ворона - знакомая вольная птица,
облюбовавшая снова наш двор под свой ареал.

7 ноября 2008 г.

ПОКОСЫ

Скосили травы – сено тонким слоем
поверх стерни пестреет у ручья
и пахнет терпким мёдом, ярким зноем
и краткостью земного бытия.

А сверху синева без дна и края
и льётся жар сияющих высот.
Лежат и пахнут пряно, умирая,
тысячелистник, клевер и осот.

Всему свой век, и скошены растенья.
И у покоса грусть меня сожгла:
как коротка у них пора цветенья!
Да и моя недолгою была.

Кузнечики стрекочут, вьются осы,
и веет в сердце с вянущей стерни,
что радовали в юности покосы
и горечи полны теперь они.

12 июля 2009 г.

Задолго до эпохи иномарок
вся жизнь моя непрожита была,
и чтоб понять, как мир велик и ярок,
хватало мне окраины села.

В авто и кораблях «Аэрофлота»
огромный мир изведаль дотла.
Но словно не хватает в нём чего-то
мне без моей окраины села.

28 октября 2008 г.

Заплёваны наши заповеди.

Запроданы наши дни.

Солнце

встаёт

на западе.

Суверенитеты в тени.

Теневая эпоха

берущих под козырёк

кто с покорностью лоха,

а кто просто за пузырьёк.

Повытравили интеллигенцию,

как мольё.

А я выправил себе индульгенцию

не молчать за неё.

Массированные массхалтуры

из подворотен выхлестнули будь здоров.

С кем вы, мастера культуры?

Ни культуры, ни мастеров.

Рынок с хваткой бульдожьей

похоронил дорогие имена.

Но без этой прослойки божьей

самоликвидируется страна.

И пока хоть один за портьерой

не гасит свечу на столе,

не всё потеряно

для заблудившихся на земле.

11 декабря 2007 г.

Кругом другие идеалы,
другие флагманы и флаг,
кругом менялы и кидалы
и при звездах, и при делах.

Хлебнул лишений и скитаний
с тех пор, когда давным-давно
моя держава, как «Титаник»,
перекренясь, ушла на дно.

Лежит она в песке и ржави.
Но вышло так оно само,
что принадлежность к той державе
мне душу выжгла, как клеймо.

Клеймён я родиной советской.
Как белое офицерье,
оповещён её повесткой,
ей присягаю под ружьё.

Без Визбора и Окуджавы,
среди лукойлов и камек,
последний воин той державы,
откуда родом я навек.

23 сентября 2008 г.

Сыну

Пока я сочинял свои тома,
мои друзья отстроили дома,
обзавелись счетами, векселями.
А я владею ветром да полями,
да рослыми прямыми тополями,
вдоль колеи зашедшими в овсы,
да россыпями бросовой росы
по лопухам, татарникам, осотам,
да свистом птах по гибким лознякам.
Весь мир мой дом – ступни мои босы́.
Но мой журавль – тоскует по высотам.
А их синица – ластится к рукам.

1988, 2011 гг.

Всё, что душе страдать велит,
я от себя не отфутболиваю.
Когда душа моя болит,
я ваши души обезболиваю.

11 февраля 2009 г.

**АЗ И ШИЗА
(перевертень)**

Я с лун. Хе, рехнулся!
Я с лун, ревя, вернулся.
Я - с лун аз. И шизанулся.
Я лопот тополя.
Я око покоя.
Я ор роя.
Я славы рано нарывался.
Я славен, Мося. Сомневался?
Я, славен, гневался.
Я бесил и себя.
Я ига магия.
Я и закон? Оказия.
Я, регалии и лагеря.
Я и мама мия.
Я и я.
Я и нега гения.
Я и не пик кипения.
Я и не в базе забвения.
Я на воздух. Худ зов, Аня:
я Анна, лежу желанная!
Яга! Наг я.
Я следом оделся.
Яиц нет. О, потенция!
Я на Луну дунул, Аня.
Ядох уходя.
Я накатил и так, Аня.
Я и намок. Рань и я. Я и наркомания.
Я с лун кокнулся.
Я бета тебя.

Я рад даря.
Я рад не лаку календаря.
Я не моден. Не до меня.
Я сед здесья.
Я стар драться.
Я стар собой. Обосраться!
Я реву, веря.
Я верю, ревя:
я и ты будем в меду бытия.
Аз - за.
Аз и шиза.

Я лопух у поля.

31 марта 2011 г.

ДАЛЬ

Закурю и пойду вдоль канала,
где вода от небес зелена.
Эта даль и меня доконала.
Хоть кого доконает она.

Эта даль меня гонит из дома.
Как ревнивая женщина, ждёт.
Не проходит на сердце истома
и уже никогда не пройдёт.

Одиночество – это награда
за былую всеобщность мою.
И теперь никого мне не надо
кроме дали в пустынном краю.

Откричали мои пароходы.
Отстучали мои поезда.
Всё изведано, кроме охоты
полюбить эту даль навсегда.

И когда насовсем в эти шири
я уйду как земная печаль,
ничего не останется в мире
от меня – только дальняя даль.

8 января 1988, 2011 гг.

Вороний ор и тишина, и дымка.
Трава и листья в дождевой пыли.
И горы, как на негативе снимка,
застыли чёрно-белые вдали.

Шуршу листвой грибного перелеска.
Желанны тишь и свежесть, и роса.
И сапоги, наволгшие до блеска,
сияют, отражая небеса.

Стелю пакет из полиэтилена,
сажусь курить под хмурую сосной
и слушать среди сырости и тлена,
как времена проходят надо мной.

15 ноября 1987 г.

У МОНУМЕНТА

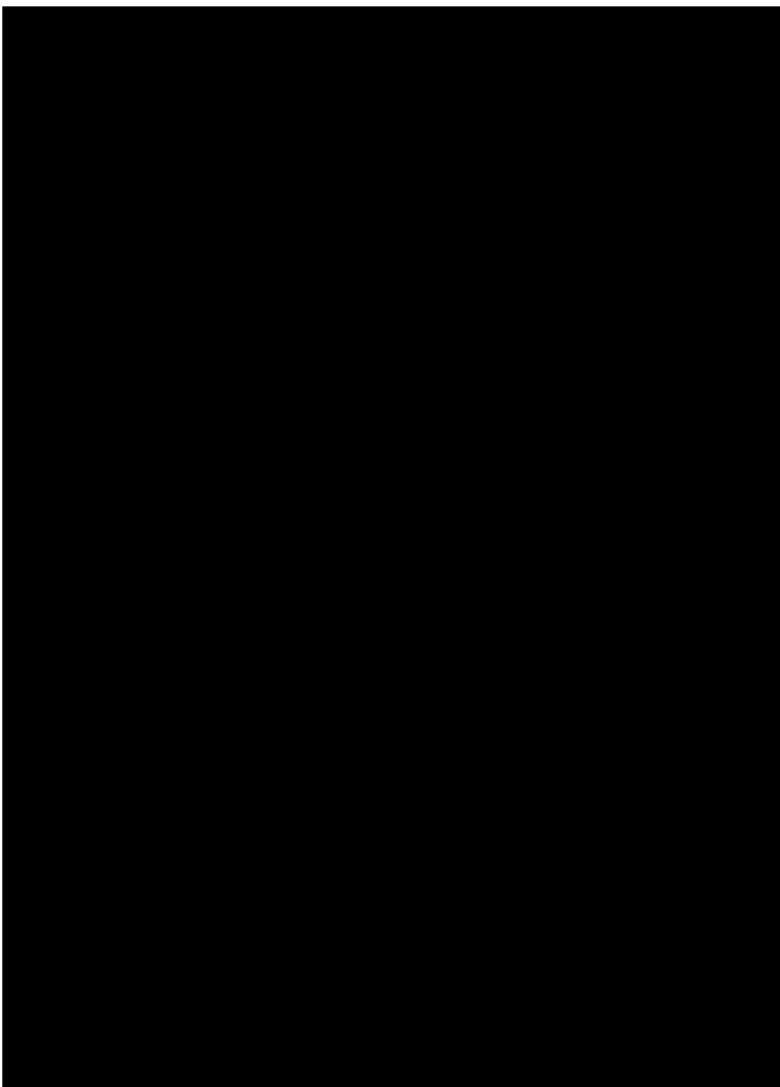
вот так и я забуду ваши лица
превозмогая пекло и пургу
и мне на темя тоже сядет птица
и отогнать её я не смогу

26 июня 2002, 2011 гг.

Когда Бог меня обрящет
и вернёт в родную тьму,
жизнь моя – мой чёрный ящик –
расшифруется ему.

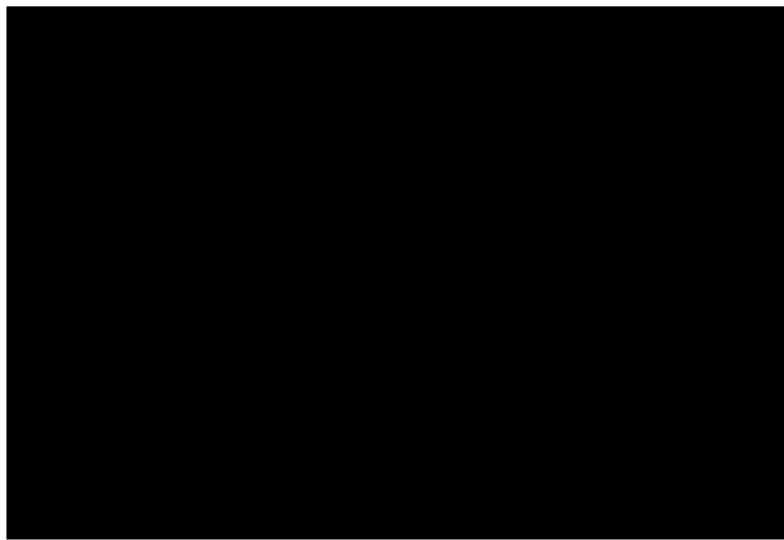
18 июля 2011 г.

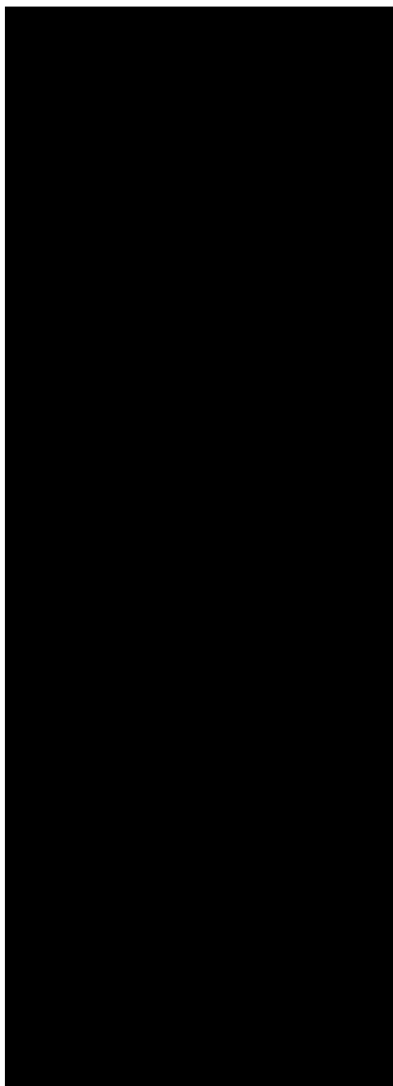
3. КНИГА МОЛЧАНИЯ

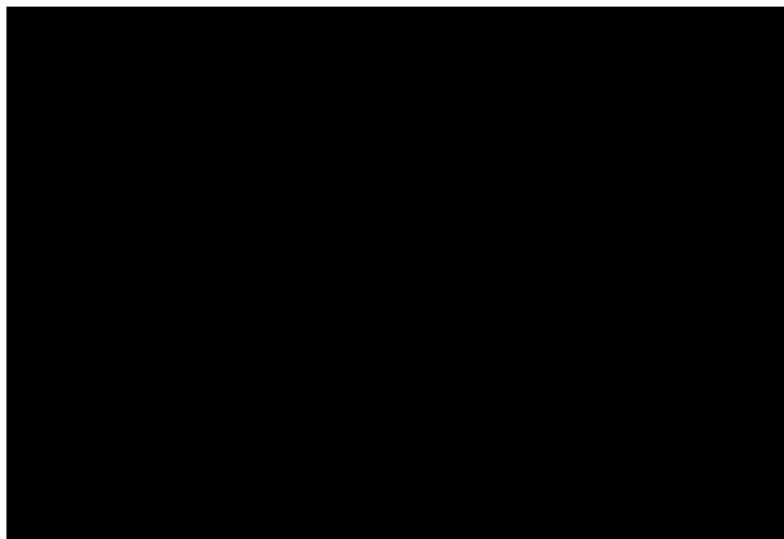

Содержание

1. Привкус неба на бранных губах

«Пролетаем в вечность из вечности».....	4
Музыка.....	5
Автопортрет.....	6
Наследство.....	8
«Аллергия к грохоту и треску».....	9
«Воробьи от солнца спятили».....	10
Вечная тема.....	11
Ночь бушует.....	13
«Всю ночь шёл дождь».....	14
Лебединовка.....	15
Окно.....	17
Щенок.....	18
«Овсяг, осот, пырей».....	19
Петухи.....	22
«Я из палатки выполз: тьма и холод».....	24
Приезд.....	25
Баракы.....	26
Я был кумиром уличным.....	28
«Чересчур хранимая, ранимая и нежная».....	31
У деда.....	32
Лёня.....	33
«Скотину гонят к выгону».....	34
«Осень, и пьют на деревне».....	35
Паруса.....	36
«Тянула руку рыба низка».....	38
«Боготворил я девочку одну».....	39
«От старых вымокших черешен».....	40
«Этот ребус с серебряным ливнем!».....	41
«Поманили травы у дороги».....	43
«Сумерки пахнут сиренью».....	44

«Весь день работал я для хлеба»	45
Полдень	46
«Мать-земля, ветра твои прогоркли»	47
У озера	48
Сказ	49
«Тихо гасли вечерние краски»	51
Становленье	52
Взгляд	55
«Мальчики-проповедники»	56
Но не был я анахоретом	58
Крест	60
Разрыв	61
Чума	62
Любовь	63
Галактика	64
Рубище	66
Портрет	67
«Прощай!»	68
«Эта женщина – вещая птица»	69
Осень	70
«Когда она уйдёт»	71
Колыбельная-87	73
Справка	74
«Завёл меня и я завёлся»	75
Мои начальники	76
В полях	78
«И когда земная будет спета»	81
Мой голос	82
«Я поэт возлеесенинский»	86
Не слышат	88
Услышали	90
«Вы убиваете меня»	92
Смерть ворона	94
Мировая ворону	95

«Осенний дождь повис во мраке».....	96
«Над дальним полем дымка синяя»	97
«Лишь глаза я скошу из кабины».....	98
«Повеет вечерняя свежесть»	99
«После поездов и теплоходов»	100
«Сыро. Земля не просохла».....	101
«Среди предзимних скудных красок»	102
Небеса	103
«В этом небесном объёме».....	104
«Цветёт цикорий на поляне».....	105
Зной.....	107
Томми Коно.....	109
«Это лето с тополиным пухом»	111
Пчела	112
Стихи об отце.....	113
Добро.....	114
Александровна.....	115
Спас.....	117
«Улетели соловьи и скворки».....	118
«Мой пыл остыл. Рука моя устала»	119
«Уже другие в суверенном ветре»	122
«Средь рыночной дикой травы»	123
«Дождь промчался и шумно, и быстро»	124
«На фоне солнца листья чёрные.....	125
«Облака и птицы, и»	126

2. Откуда родом я навек

«Шёл красивый, двадцатидвухлетний»	128
«Самый мой первый враг – это я сам».....	129
«Я существую – значит мыслю».....	130
«Патриархальные просторы»	131
«Потому-то сердцами и стынем»	133
«Муза, муза, туман отстелился».....	134

Самосожженцы	136
«Мои ночные поединки».....	137
«Ящерка, сама себя спасая»	138
Ретростихи.....	139
Моя харизма.....	140
Амфибрахий	143
Паутинка	146
Гроза.....	147
Нестабильность	148
«С керосинкой посередке».....	149
Метаморфозы.....	153
Грёзы без угрозы.....	154
Интим.....	155
Муравей	156
Подснежники.....	157
«Помню: сияет, как зеркало, сталь».....	158
Кукушка.....	159
«У судьбы очень редки подарки».....	160
Опала	161
Бетон	163
«Лишь слегка отвернулся кузнечик».....	164
«Пленительно плетение из лент»	165
«Непредсказуемо и прихотливо»	166
«Близко к аду или раю».....	167
Ивы	168
«Когда я слышу гимн России».....	169
«Россия, Русь! Всё ярче мне твой свет».....	170
«Край Ала-Тоо солнцем осиянен»	173
«Моя страна оплёванной осталась»	175
«Красиво быть незнаменитым»	176
«Важно, чтоб в канве стихотворений».....	177
«Наши шубы ладно сшиты».....	178
«Я весну наблюдаю с натуры»	179
«Боль мозжит в висок, не утихая».....	180

Сельские потёмки	181
«Заповедь хвалёная»	183
Постфактум.	184
«На сене, на клевере свянувшем»	185
Риск	186
«Лихим порывом непогоды»	188
Имя	189
«Деревья в инее. Их белоснежные свечки»	190
«Солнца радужные спицы»	191
Луна	192
«Тихо так в мире, что кажется: умер ты»	193
Снежный миг	195
«Когда созвездья блещут в небосводе»	196
«Проходят надо мною облака»	197
Каравелла	198
«Разукрасила осень серые кубики микрорайона»	200
Покосы	201
«Задолго до эпохи иномарок»	202
«Заплёваны наши заповеди»	203
«Кругом другие идеалы»	204
«Пока я сочинял свои тома»	205
«Всё, что душе страдать велит»	206
Аз и шиза (перевертень)	207
Даль	209
«Вороний ор и тишина, и дымка»	210
У монумента	211
«Когда Бог меня обращает»	212
3. Книга молчания	213

Мои книги

- «Подсолнух» Стихотворения. «Мектеп», Фрунзе, 1979 г. 3 печ. листа. 100 стр.
- «Свет в судьбе» Стихотворения. «Кыргызстан», Фрунзе, 1982 г. 3 печ. листа. 108 стр.
- «Раздолье» Стихотворения. «Мектеп», Фрунзе, 1984 г. 2,6 печ. листа. 72 стр.
- «Высь» Стихотворения. «Кыргызстан», Фрунзе, 1988 г. 3,5 печ. листа. 96 стр.
- «Третий раунд» Стихотворения. «Адабият», Бишкек, 1991 г. 5,2 печ. листа. 142 стр.
- «Некто я» Стихотворения, палиндромоны. «Просвещение», Бишкек, 2005 г. 23 печ. листа. 369 стр.
- «Зимняя радуга» Стихотворения, поэма, литературные пародии. «Просвещение», Бишкек, 2006 г. 14,5 печ. листа. 232 стр.
- «Переворачиваю мир» Палиндромоны. «Просвещение», Бишкек, 2006 г. 14,5 печ. листа, 223 стр.
- «Пульсар» Книга избранного. Стихотворения, палиндромоны. «Просвещение», Бишкек, 2007 г. 43 печ. листа. 691 стр.
- «Десятая книга» Стихотворения, палиндромоны. «Салам», Бишкек, 2008 г. 15 печ. листов. 243 стр.
- «Дневная фактура» Стихотворения, палиндромоны. «Салам», Бишкек, 2008 г. 6,5 печ. листа. 103 стр.
- «Разрыв» Стихотворения, поэма, палиндромоны. «Салам», Бишкек, 2009 г. 10 печ. листов. 165 стр.
- «Силовое поле» Стихотворения, палиндромоны. «Салам», Бишкек, 2009 г. 14 печ. листов. 224 стр.
- «Нестабильность» Новые стихи. «Салам», Бишкек, 2009 г. 6,8 печ. листа. 110 стр.
- «SMS» Стихотворения. «Салам», Бишкек, 2011 г. 14 печ. листов. 223 стр.

Александр Никитенко

ЧЁРНЫЙ ЯЩИК

Стихотворения и Книга молчания

Подписано в печать 16.11.2011 г.
Формат 70x108^{1/32}. Объем 14,25 п. л.
Заказ № 251 Тираж 200 экз.

Отпечатано в ОсОО Издательский дом «Салам»
Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Гоголя, 120
Тел.: (+996 312) 68-01-35, тел./факс: (+996 312) 68-01-33
E-mail: id_salam@mail.ru

ФРАГМЕНТЫ

Родился в 1948 году в Душанбе. С 1951 года живу в Бишкеке (бывший Фрунзе). Окончил Лебединовскую СШ №1, Киргизский государственный университет. Работал редактором в Госкомиздате, ответственным секретарем в журнале «Литературный Киргизстан», в газетах «Вечерний Бишкек», «Моя столица», наладчиком, слесарем на Фрунзенском заводе свёрл.

Издal свои поэтические книги «Подсолнух» (1979 г.), «Свет в судьбе» (1982), «Раздолье» (1984), «Высь» (1988), «Третий раунд» (1991), «Некто я» (2005), «Зимняя радуга» (2006), «Переворачиваю мир» (2006), «Пульсар» (2007), «Десятая книга» (2008), «Дневная фактура» (2008), «Разрыв» (2009), «Силовое поле» (2009), «Нестабильность» (2009) и «SMS» (2011 г.).

В 1983 году вступил в ряды Союза писателей СССР. Занимался переводами киргизской поэзии, начиная от классика Алыкула Осмонова и до самого молодого члена писательского союза Акбара Рыскулова. Люблю бокс, классическое искусство и музыку.